

Фенимор
КУПЕР

ПИОНЕРЫ,

ИЛИ У ИСТОКОВ САСКУИХАННЫ

Кожаный Чулок

Джеймс Фенимор Купер

**Пионеры, или У
истоков Саскуиханны**

Издательство «РИМИС»

1823

Купер Д.

Пионеры, или У истоков Саскуиханны / Д. Купер — Издательство «РИМИС», 1823 — (Кожаный Чулок)

Роман известного американского писателя Джеймса Фенимора Купера «Пионеры, или У истоков Саскуиханны» является первым из пенталогии о «Кожаном чулке». Роман переносит нас на несколько столетий назад, когда дружба с индейцем могла стоить жизни, а верная рука и меткий глаз были единственными союзниками вольного охотника. Это было время смелых, мужественных и отчаянных мужчин. На страницах этой книги вы сможете постичь всю глубину души великого охотника, разведчика и следопыта Натаниэля Бампо, а также будете сопереживать романтическим приключениям молодых людей Элизабет Темпл и Оливера Эффингема.

© Купер Д., 1823

© Издательство «РИМИС», 1823

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	13
ГЛАВА III	18
ГЛАВА IV	23
ГЛАВА V	29
ГЛАВА VI	37
ГЛАВА VII	44
ГЛАВА VIII	51
ГЛАВА IX	56
ГЛАВА X	61
ГЛАВА XI	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джеймс Фенимор Купер

Пионеры, или У истоков Саскуиханны

ГЛАВА I

*Взгляни, грядет угрюмая зима
В сопровождении могучей свиты
Метелей, туч и льда.*

Томсон, «Времена года»¹

В самом сердце штата Нью-Йорк лежит обширный край, где высокие холмы чередуются с широкими оврагами или, как чаще пишут в географических книгах, где горы чередуются с долинами. Там, среди этих холмов, берет свое начало река Делавар; а в долинах журчат сотни кристальных ключей, из прозрачных озер бегут быстрые ручьи – это истоки Саскуиханны, одной из самых гордых рек во всех Соединенных Штатах.

И склоны и вершины гор покрыты плодородной почвой, хотя нередко там можно увидеть и зубчатые скалы, придающие этому краю чрезвычайно романтический и живописный вид. Долины нешироки, и по каждой струится речка, орошающая тучные, хорошо возделанные нивы. По берегам рек и озер расположены красивые зажиточные деревушки – они возникают там, где удобно заниматься каким-либо ремеслом, а в долинах, на склонах холмов и даже на их вершинах разбросано множество ферм, хозяева которых, судя по всему, преуспевают и благоденствуют. Повсюду виднеются дороги: они тянутся по открытым долинам и петляют по запутанному лабиринту обрывов и седловин. Взгляд путника, впервые попавшего в эти места, через каждые несколько миль замечает «академию» или какое-либо другое учебное заведение; а всевозможные церкви и молельни свидетельствуют об истинном благочестии здешних жителей и о строго соблюдаемой здесь свободе совести. Короче говоря, все вокруг показывает, чего можно достичь даже в диком краю с суровым климатом, если законы там разумны, а каждый человек заботится о пользе всей общины, ибо сознает себя ее частью. И каждый дом здесь – уже не временная лачуга пионера, а прочное жилище фермера, знающего, что его прах будет покоиться в земле, которую рыхлил его плуг; или жилище его сына, который здесь родился и

¹ Перевод эпиграфов И. Гуровой.

даже не помышляет о том, чтобы расстаться с местом, где находится могила его отца. А ведь всего сорок лет назад тут шумели девственные леса.

После того, как мирный договор 1783 года утвердил независимость Соединенных Штатов, их граждане принялись усиленно овладевать естественными богатствами своей обширной страны. До начала войны за независимость в Нью-Йоркской колонии была заселена лишь десятая часть территории – узкая полоса вдоль устья Гудзона и Мохока длиной примерно в пятьдесят миль, острова Нассау и Статен и несколько особенно удобных мест по берегам рек, – и жило там всего двести тысяч человек. Но за вышеупомянутый короткий срок число это возросло до полутора миллионов человек, которые расселились по всему штату и живут в достатке, зная, что пройдут века, прежде чем наступит черный день, когда принадлежащая им земля уже не сможет больше прокормить их.

Наше повествование начинается в 1793 году, лет через семь после основания одного из тех первых поселений, которые способствовали затем столь чудесному преобразению штата Нью-Йорк.

Холодный декабрьский день уже клонился к вечеру, и косые лучи заходящего солнца озаряли сани, медленно поднимавшиеся по склону одной из описанных нами гор. День для этого времени года выдался удивительно ясный, и в чистой синеве неба плыли лишь два-три облака, казавшиеся еще белее благодаря свету, отражаемому снежным покровом земли. Дорога вилась по краю обрыва; с одной стороны она была укреплена бревенчатым накатом, а с другой склон горы был срезан, так что экипажи того времени могли передвигаться по ней довольно свободно. Но и дорога и накат были погребены теперь под толстым слоем снега. Сани двигались по узкой колее в два фута глубиной. В лежавшей глубоко внизу долине и по склонам холмов лес был вырублен новыми поселенцами, но там, где дорога, достигнув вершины, шла по ровному плато, еще сохранился столетний бор. В воздухе кружили мириады сверкающих блесков, а бока запряженных в сани благородных гнедых коней были покрыты мохнатым инеем. Из их ноздрей вырывались клубы пара, и одежда путешественников, так же как весь окружающий пейзаж, говорила о том, что зима давно уже вступила в свои права. Тусклая черная сбруя не блестела лаком, как нынешние, и была украшена огромными медными бляхами и пряжками, которые вспыхивали, словно золотые, когда на них падали солнечные лучи, сумевшие пробиться сквозь густые ветви деревьев. К большим, обитым гвоздями седлам на спинах лошадей было прикреплено сукно, заменявшее попону, и эти же седла служили основанием для четырех квадратных башенок, через которые были пропущены крепкие вожжи. Их сжимал в руке кучер, негр лет двадцати. Его лицо, обычно черное и глянцевитое, сейчас посерело от холода, и в больших ясных глазах стояли слезы – дань уважения, которую местные морозы неизменно взимают со всех его африканских сородичей. Тем не менее его добродушная физиономия то и дело расплывалась в улыбке: он предвкушал, как приедет домой, как будет греться у рождественского камелька и вместе с другими слугами весело праздновать рождество.

Сани представляли собой один из тех вместительных старомодных экипажей, в которых могло с удобством расположиться целое семейство, но сейчас, кроме возницы, в них сидело только двое пассажиров. Снаружи сани были выкрашены скромной зеленой краской, а внутри – огненно-красной, чтобы в холодную погоду создавать иллюзию тепла. Сиденье и пол были устланы большими бизоньими шкурами, отделанными по краям красными суконными фестонами. Эти же шкуры служили полостью, которой укрывали ноги седоки – мужчина средних лет и совсем еще юная девушка. Первый, по-видимому, отличался крупным сложением, однако судить о его наружности было трудно – так тщательно он укутался. Тяжелая шуба с пышной меховой оторочкой совсем скрывала его фигуру, а на голове красовалась кунья шапка на сафьяновой подкладке; наушники ее были опущены и завязаны под подбородком черной лентой. Верх шапки был украшен хвостом того же самого животного, чей мех пошел на ее изготовление, и хвост этот не без изящества ниспадал на спину ее обладателя.

Под шапкой можно было разглядеть верхнюю часть красивого мужественного лица; особенно его украшали выразительные синие глаза, говорившие о большом уме, лукавом юморе и доброте.

Его спутница совсем утонула в своих многочисленных одеждах: из-под широкого камлотового плаща на толстой фланелевой подкладке, который, судя по покрою и размерам, был сшит на мужчину, выглядывали меха и шелка. Большой капор из черного шелка, подбитый пухом, закрывал не только ее голову, но и лицо – лишь в узкой щелочке, оставленной для дыхания, порой блестели веселые черные глаза.

И отец, и дочь (ибо именно в этой степени родства состояли наши путешественники) были погружены в свои мысли, и тишина нарушалась лишь еле слышным скрипом полозьев, легко скользивших по укатанному снегу. Первый вспоминал, как четыре года назад его жена прижимала к груди их единственную дочь, когда прощалась с ней, неохотно согласившись отпустить ее продолжать образование в одном из нью-йоркских пансионов (в те времена только этот город располагал подобными учебными заведениями). Несколько месяцев спустя смерть разлучила его с верной спутницей жизни, и он остался совсем один. Однако глубокая любовь к дочери не позволила ему увезти ее в эту глушь, пока не кончился срок, который он сам назначил для ее совершенствования в науках. Мысли девушки были менее грустными, и она с удовольствием смотрела на красивые виды, открывавшиеся перед ней с каждым новым поворотом дороги.

Гора, по которой они ехали, заросла гигантскими соснами, чьи стволы уходили ввысь на семьдесят – восемьдесят футов, прежде чем от них ответвлялся первый сук, а высота кроны тоже нередко достигала восьмидесяти футов. Гордые лесные великаны почти не закрывали далее, и наши путешественники могли видеть даже вершину горы на противоположной стороне долины, куда лежал их путь; лишь порой ее заслонял какой-нибудь отдаленный холмик. Темные стволы стройными колоннами поднимались над белым снегом, и лишь на головокружительной высоте взгляд наконец встречал ветви, покрытые скудной вечнозеленой хвоей, чей мрачный вид представлял меланхолическое несоответствие со всей погруженной в зимний сон природой. Внизу ветра не было, однако вершины сосен плавно раскачивались, глухо и жалобно поскрипывая, – звук этот удивительно гармонировал с окружающим пейзажем.

Сани уже несколько минут ехали по плато, и девушка с любопытством и некоторой робостью поглядывала на лес, как вдруг оттуда донесся долгий, протяжный вой, словно по длинным лесным аркадам мчалась свора гончих. Едва этот звук достиг ушей ее отца, как он крикнул кучеру:

– Стой, Агги! Гектор идет по следу, я его голос узнаю среди десятков тысяч. Кожаный Чулок решил поохотиться, благо денек сегодня выдался ясный, и его собаки подняли дичь. Вон там впереди оленья тропа, Бесс, и, если ты не побоишься выстрелов, на рождественский обед у нас будет жареное седло оленя.

Весело ухмыльнувшись, негр остановил лошадей и принялся похлопывать руками, чтобы согреть застывшие пальцы, а его хозяин встал во весь рост, сбросил шубу и шагнул из саней на снежный наст, который легко выдержал его вес.

Через несколько секунд ему удалось извлечь из беспорядочного нагромождения баулов и картонок охотничью двустволку. Он сбросил толстые рукавицы, под которыми оказались кожаные перчатки на меху, проверил затравку и уже собрался было двинуться вперед, когда из леса донесся негромкий топот и на тропу совсем рядом с ним большими прыжками выскочил великолепный олень. Хотя появился он совершенно неожиданно и мчался с невероятной быстротой, страстного любителя охоты это не смутило. В один миг он поднял двустволку, прицелился и твердой рукой спустил курок. Олень побежал еще быстрее – по-видимому, пуля его не задела. Не опуская ружья, охотник повернул дуло вслед за животным и выстрелил вторично. И снова, казалось, промахнулся, так как олень не замедлил бега.

Все это заняло одно мгновение, и девушка еще не успела обрадоваться спасению оленя, которому она в глубине души сочувствовала, как он стрелой пронесся мимо нее. Но тут ее слух поразил короткий сухой треск, совсем не похожий на грохот отцовского ружья; и тем не менее его могло породить только огнестрельное оружие. Олень высоко подпрыгнул над сугробом; снова раздался такой же треск, и олень, едва коснувшись земли, упал и покатился по насту. Невидимый стрелок громко крикнул, и два человека вышли из-за сосен, за которыми они, очевидно, прятались, ожидая появления оленя.

– А, Натти! Если бы я знал, что ты устроил здесь засаду, то не стал бы стрелять, – сказал хозяин саней, направляясь к убитому оленю, а сиявший от восторга кучер съехал с дороги, стараясь тоже приблизиться к этому месту. – Но, услышав лай старика Гектора, я не мог удержаться. Впрочем, я, кажется, его даже не задел.

– Да, судья, – с беззвучным смешком ответил охотник, бросая на него взгляд, полный торжества и уверенности в своем превосходстве, – вы спалили порох, только чтобы погреть нос. Оно и правда сегодня холодно. Неужто вы думали уложить этой хлопушкой взрослого оленя, да еще когда его настигает Гектор и он мчится изо всех сил? В болоте немало фазанов, а снежные куропатки слетаются прямо к вашему крыльцу. Кормите их крошками да постреливайте в свое удовольствие; а если вам вздумается раздобыть оленины или медвежатины, берите длинноствольное ружье и хорошо просаленный пыж, не то больше пороху потратите, чем мяса добудете.

Закончив свою речь, охотник провел рукой без перчатки у себя под носом и снова беззвучно захохотал, широко открыв большой рот.

– У этого ружья хороший бой, Натти, и мы с ним подстрелили не одного оленя, – с добродушной улыбкой ответил хозяин саней. – Один ствол был заряжен крупной дробью, а другой – птичьей. Олень получил две раны – в шею и прямо в сердце. И еще неизвестно, Натти, может быть, в шею его ранил я.

– Ну, кто бы его ни убил, – ответил Натти угрюмо, – его мясо пойдет в пищу. – С этими словами он вытащил из заткнутых за пояс кожаных ножен большой нож и перерезал оленю горло. – Раз тут две раны, я бы на вашем месте спросил, не две ли пули в него попало; какой же дробовик оставляет вот такие рваные раны вроде этой на шее? И ведь вы не станете спорить, судья, что олень упал после четвертого выстрела, сделанного рукой потверже и помоложе, чем моя или ваша. Хоть я и бедняк, но без этой оленины обойдусь, да только с какой стати должен я отдавать свою законную добычу, если живу в свободной стране? Впрочем, коли уж на то пошло, и тут сила частенько берет верх над законом, как бывало в Старом Свете.

Охотник говорил угрюмо и злобно, но осторожность победила, и последние фразы он произнес настолько тихо, что слышно было лишь сердитое бормотанье.

– Не в том дело, Натти, – возразил его собеседник все так же добродушно. – Я только хочу знать, кому принадлежит честь удачного выстрела. Оленина стоит два-три доллара, но мне будет обидно упустить случай приколоть к моей шапке почетный трофей – хвост этого красавца. Только подумай, Натти, как я посрамил бы Дика Джонса: он только и делает, что насмехается над моей охотничьей сноровкой, а сам за весь сезон подстрелил всего-навсего сурка да пару белок!

– От всех этих ваших вырубков да построек дичь переводится, судья, – сказал старый охотник с безнадежным вздохом. – Было время, когда я с порога своей хижины подстрелил за один раз тринадцать оленей, не говоря уж о ланях! А когда тебе требовался медвежий окорок, надо было только посторожить лунной ночью, и уж наверняка уложишь зверя через щель в стене. И не приходилось опасаться, что заснешь в засаде: волки своим воем глаза сомкнуть не давали... А вот и Гектор, – добавил он, ласково погладив большую белую в желтых и черных пятнах гончую, которая выбежала из леса в сопровождении другой собаки. – Вон у него на шее рубец – это его волки порвали в ту ночь, когда я отгонял их от оленины, коптившейся

на печной трубе. Такой друг надежнее иного человека: он не бросит товарища в беде и не укусит руку, которая его кормит.

Своеобразная внешность и манеры охотника заинтересовали молодую девушку. С той минуты, как он вышел из-за сосны, она с любопытством рассматривала его. Он был высок и до того тощ, что казался даже выше своих шести футов. Лисья шапка на его голове, покрытой прямыми рыжеватыми волосами, уже сильно поредевшими, была похожа на описанную нами шапку судьи, но сильно уступала ей по покрою и отделке. Лицо у него было худое, словно после длительного голодания, однако в нем нельзя было заметить никаких признаков болезни, наоборот – оно свидетельствовало о несокрушимо крепком здоровье. Ветры и морозы придали коже охотника медно-красный оттенок. Над его серыми глазами нависали кустистые брови, почти совсем седые; морщинистая шея по цвету несколько не отличалась от лица и была совсем открыта, хотя под курткой виднелся ворот рубахи из клетчатой домотканой материи. Куртка эта, сшитая из выдубленных оленьих шкур волосом наружу, была туго перепоясана пестрым шерстяным кушаком. Его ноги были обуты в мокасины из оленьей кожи, украшенные, по индейскому обычаю, иглами дикобраза; кроме того, он носил гетры из того же материала, перевязанные над коленями поверх потертых штанов из оленьей кожи, – за эти-то гетры поселенцы и прозвали его Кожаным Чулком. Через его плечо был перекинут ремень, на котором болтался большой бычий рог, столь тщательно выскобленный, что сквозь стенки просвечивал хранившийся в нем порох. С широкого конца к рогу было искусно приделано деревянное донце, а с узкого он был плотно закупорен деревянной же затычкой. Рядом с рогом висела кожаная сумка, и охотник, закончив свою речь, достал из нее мерку, аккуратно отмерил порох и принялся перезаряжать свое ружье. Когда он поставил его перед собой, уперев приклад в снег, дуло поднялось почти до самого верха его лисьей шапки.

Судья, который все это время рассматривал раны на туше, теперь, не слушая угрюмой воркотни охотника, воскликнул:

– Все-таки мне хотелось бы, Натти, твердо установить, чей это трофей. Если оленья шею ранил я, значит, он мой, потому что выстрел в сердце был излишним – превышением необходимости, как говорим мы в суде.

– Ученых-то слов вы много знаете, судья, – ответил охотник. Перекинув ружье через левую руку, он открыл медную крышечку в прикладе, достал кружок просаленной кожи, завернул в него пулю, с силой вогнал этот шарик в дуло поверх пороха и, не переставая говорить, продолжал заталкивать заряд все глубже. – Да только куда легче сыпать учеными словами, чем свалить оленя на бегу. А убила его рука помоложе, чем моя или ваша, как я уже сказал.

– А ты как думаешь, любезный? – ласково произнес судья, обращаясь к товарищу Кожаного Чулка. – Не разыграть ли нам наш трофей в орлянку? И, если ты проиграешь, доллар, который я подброшу, будет твоим. Что скажешь, приятель?

– Скажу, что убил оленя я, – с некоторым высокомерием ответил молодой человек, опираясь на ружье, такое же, как у Натти.

– Значит, двое против одного, – сказал судья, улыбнувшись. – Я остался в меньшинстве, а другими словами, мои доводы отведены, как говорим мы, судьи. Агги, поскольку он невольник, права голоса не имеет, а Бесс несовершеннолетняя. Делать нечего, я отступаю. Но продайте мне оленину, а я уж сумею порассказать о том, как был убит этот олень.

– Мясо не мое, и продавать его я не могу, – ответил Кожаный Чулок, словно заражаясь высокомерием своего товарища. – Я-то знаю много случаев, когда олень, раненный в шею, бежал еще несколько дней, и я не из тех, кто станет отнимать у человека его законную добычу.

– Наверное, ты от мороза так упрямо отстаиваешь сегодня свои права, Натти, – с невозмутимым добродушием ответил судья. – А что ты скажешь, приятель, если я предложу тебе за оленя три доллара?

– Сначала давайте к нашему взаимному удовлетворению решим, кому он принадлежит по праву, – почтительно, но твердо сказал молодой человек, чья речь и поведение никак не соответствовали его скромной одежде. – Сколько дробин было в вашем ружье?

– Пять, сэр, – ответил судья, на которого манеры незнакомца произвели некоторое впечатление. – И, по-моему, этого достаточно, чтобы убить такого оленя.

– Хватило бы и одной, но... – тут товарищ Кожаного Чулка подошел к дереву, за которым прятался, ожидая оленя. – Вы стреляли в этом направлении, сэр, не правда ли? Четыре дробины засели вот здесь, в стволе.

Судья внимательно осмотрел свежие повреждения коры и, покачав головой, сказал со смехом:

– Ваши доводы обращаются против вас самого, мой юный адвокат. Где же пятая?

– Здесь, – ответил молодой человек, распахивая свою грубую кожаную куртку. В рубаше его виднелась дыра, через которую крупными каплями сочилась кровь.

– Боже мой! – в ужасе воскликнул судья. – Я тут спорю из-за какого-то пустого трофея, а человек, раненный моей рукой, молчит, ничем не выдавая своих страданий! Скорей! Скорей садитесь в мои сани – до поселка только одна миля, а там есть врач, который сможет сделать перевязку. Я заплачу за все, и, пока ваша рана не заживет, вы будете жить у меня, да и потом сколько захотите.

– Благодарю вас за добрые намерения, но я вынужден отклонить ваше предложение. У меня есть близкий друг, который очень встревожится, если узнает, что я ранен. Это всего лишь царапина, и ни одна кость не задета. Насколько я понимаю, сэр, теперь вы согласны признать мое право на оленину?

– Согласен ли? – повторил за ним взволнованный судья. – Я тут же даю вам право стрелять в моих лесах оленей, медведей и любого другого зверя. До сих пор этой привилегией пользовался только Кожаный Чулок, и скоро настанет время, когда она будет считаться весьма ценной. А оленя я у вас покупаю; вот возьмите, эта банкнота оплатит и ваш и мой выстрелы.

Старый охотник гордо выпрямился во весь свой высокий рост, но ждал, чтобы судья кончил речь.

– Живы еще люди, – сказал он затем, – которые могут подтвердить, что право Натаниэля Бампо стрелять дичь в этих местах куда старше права Мармадьюка Темпла запрещать ему это. А если и есть такой закон (хотя кто когда слышал о законе, запрещающем человеку стрелять оленей где ему заблагорассудится?), то он должен был бы запретить охоту с дробовиком. Когда спускаешь курок этой подлой штуки, сам не знаешь, куда полетит твой свинец.

Не обращая внимания на монолог Натти, юноша поблагодарил судью легким поклоном, но ответил:

– Прошу меня извинить, но оленина нужна мне самому.

– Но на эти деньги вы сможете купить сколько угодно оленей, – возразил судья. – Возьмите их, прошу вас. – И, понизив голос, он добавил: – Здесь сто долларов.

Юноша, казалось, заколебался, но тут же краска стыда разлилась по его и без того красным от холода щекам, как будто он досадовал на свою слабость, и он снова ответил отказом на предложение судьи.

Девушка, которая во время их разговора вышла из саней и, несмотря на мороз, откинула капюшон, скрывавший ее лицо, теперь сказала с большой живостью:

– Прошу вас... прошу вас, сэр, не огорчайте моего отца отказом! Подумайте, как тяжело будет ему думать, что он оставил в столь пустынном месте человека, раненного его рукой! Прошу вас, поедemте с нами, чтобы вас мог перевязать врач.

То ли рана причиняла теперь молодому охотнику больше страданий, то ли в голосе и глазах дочери, стремившейся сохранить душевный мир своего отца, было что-то неотразимое, – мы не знаем; однако после слов девушки суровость его заметно смягчилась, и легко было заме-

тять, что ему одинаково трудно и исполнить эту просьбу, и отказать в ней. Судья (именно такой пост занимал владелец саней, и так мы будем впредь называть его) с интересом наблюдал за этой внутренней борьбой, а затем ласково взял юношу за руку и, слегка потянув его в сторону саней, тоже принялся уговаривать.

– Ближе Темплтона вам помощи не найти, – сказал он. – А до хижины Натти отсюда добрых три мили. Ну, не упрямитесь, мой милый друг, пусть наш новый врач перевяжет вам рану. Натти передаст вашему другу, где вы, а утром вы, если захотите, сможете вернуться домой.

Молодой человек высвободил руку из ласково сжимавших ее пальцев судьи, но продолжал стоять, не отводя взгляда от прекрасного лица девушки, которая, несмотря на мороз, не спешила вновь надеть капюшон. Ее большие черные глаза красноречиво молили о том же, о чем просил судья. А Кожанный Чулок некоторое время размышлял, опираясь на свое ружье; потом, по-видимому хорошенько все обдумав, он сказал:

– Ты и впрямь поезжай, парень. Ведь если дробина застряла под кожей, мне ее не выковырять. Стар уж я стал, чтобы, как когда-то, резать живую плоть. Вот тридцать лет назад, еще в ту войну, когда я служил под командой сэра Уильяма, мне пришлось пройти семьдесят миль по самым глухим дебрям с ружейной пулей в ноге, а потом я ее сам вытащил моим охотничьим ножом. Старый индеец Джон хорошо помнит это времечко. Встретился я с ним, когда он с отрядом делаваров выслеживал ирокеза – тот побывал на Мохоке и снял там пять скальпов. Но я так попотчевал этого краснокожего, что он до могилы донес мою метку! Я прицелился ему пониже спины – прошу прощения у барышни, – когда он вылезал из засады, и пробил его шкуру тремя дробинами, совсем рядышком, одной долларовой монетой можно было бы закрыть все три раны. – Тут Натти вытянул длинную шею, расправил плечи, широко раскрыл рот, показав единственный желтый зуб, и захохотал: его глаза, лицо, все его тело смеялось, однако смех этот оставался совсем беззвучным, и слышно было только какое-то шипенье, когда старый охотник втягивал воздух. – Я перед этим потерял формочку для пуль, когда переправлялся через проток озера Онайда, вот и пришлось довольствоваться дробью; но у моего ружья был верный бой, не то что у вашей двуногой штуковины, судья, – с ней-то в компании, как видно, лучше не охотиться.

Натти мог бы и не извиняться перед молодой девушкой – она помогала судье перекладывать вещи в сани и не слышала ни слова из его речи. Горячие просьбы отца и дочери возымели свое действие, и юноша наконец позволил себя уговорить отправиться с ними, хотя все с той же необъяснимой неохотой. Чернокожий кучер с помощью своего хозяина взвалил оленя поверх багажа, затем все уселись, и судья пригласил старого охотника тоже поехать с ними.

– Нет, нет, – ответил Кожанный Чулок, покачивая головой. – Сегодня сочельник, и мне надо кое-что сделать дома. Поезжайте с парнем, и пусть ваш доктор поглядит его плечо. Если только он вынет дробину, у меня найдутся травки, которые залечат рану куда скорее всех его заморских снадобий. – Он повернулся, собираясь уйти, но вдруг, что-то вспомнив, опять приблизился к саням и прибавил: – Если вы встретите возле озера индейца Джона, захватите-ка его с собой в помощь доктору – он хоть и стар, а всякие раны и переломы еще лечит на славу. Он, наверное, явится с метлой почистить по случаю рождества ваш камин.

– Постой! – крикнул юноша, схватив за плечо кучера, готовившегося погнать лошадей. – Натти, ничего не говори о том, что я ранен и куда я поехал. Не проговорись, Натти, если любишь меня.

– Можешь положиться на Кожаного Чулка, – выразительно сказал старый охотник. – Он недаром прожил пятьдесят лет в лесах и научился от индейцев держать язык за зубами. – Можешь на меня положиться и не забудь про индейца Джона.

– И еще одно, Натти, – продолжал юноша, не отпуская плеча кучера. – Как только вынут дробину, я вернусь и принесу четверть оленя к нашему рождественскому обеду...

Он умолк на полуслове, заметив, что охотник многозначительно поднес палец к губам. Затем Кожаный Чулок осторожно двинулся по краю дороги, не отрывая взгляда от верхушки сосны. Выбрав удобное место, он остановился, взвел курок, далеко отставил правую ногу, вытянул во всю длину левую руку и начал медленно поднимать ружье, целясь в ствол дерева. Сидевшие в санях, естественно, обратили взгляд в ту же сторону и вскоре заметили добычу, соблазнившую Натти. На сухом сучке, горизонтально торчавшем в семидесяти футах над землей, там, где начиналась крона, сидела птица, которую местные жители именовали то фазаном, то куропаткой. Она была чуть меньше обыкновенной домашней курицы. Лай собак и голоса людей испугали ее, и она прижалась к стволу, отчаянно вытянув шею и задрав голову. Как только дуло оказалось точно направленным на цель, Натти спустил курок, и куропатка камнем упала со своего высокого насеста, так что совсем зарылась в снег.

– Лежать, зверюга! – прикрикнул Кожаный Чулок, грозя шомполом Гектору, который бросился было к подножию дерева. – Лежать, кому говорят!

Собака повиновалась, и Натти начал быстро и аккуратно перезаряжать ружье. Затем он поднял убитую птицу и показал ее остальным: головка была начисто срезана пулей.

– Вот и лакомое блюдо старику на рождественский обед, – сказал охотник. – Теперь я обойдусь без оленины, парень, а ты лучше поищи-ка индейца Джона – его травки посильней всякого заморского снадобья. Как по-вашему, судья, – добавил он, снова показав на свою добычу, – можно ли дробовиком снять птицу с дерева, не взъерошив на ней ни перышка?

Кожаный Чулок опять засмеялся своим странным беззвучным смехом, выразившим веселое торжество и насмешку, покачал головой, повернулся и углубился в лес походкой, которая больше всего напоминала неторопливую рысцу. При каждом шаге его ноги чуть сгибались в коленях, а все тело наклонялось вперед. Когда сани достигли поворота и юноша оглянулся, ища взглядом своего товарища, старик уже почти скрылся за деревьями; собаки трусили за ним, изредка нюхая оленин след так равнодушно, словно они инстинктивно понимали, что он им уже ни к чему. Сани повернули, и Кожаный Чулок исчез из виду.

ГЛАВА II

*Кто мудр, тот для себя отыщет пристань
Везде, где взор небес над ним сияет...
Считай, что не король тебя отринул,
А ты его.*

Шекспир, «Ричард II»²

Примерно за сто двадцать лет до начала нашего повествования прапрадед Мармадюка Темпла приехал в Пенсильванию³ вместе со славным основателем этой колонии, другом и единовверцем которого он был. Этот Мармадюк – в роду Темплов внушительное имя Мармадюк носили чуть ли не все мужчины – привез с собой в край, где искали приюта гонимые и обездоленные, все свое большое богатство, нажитое в Старом Свете. Он стал хозяином многих тысяч безлюдных акров и благодетелем несметного количества нахлебников и приживалов. Все почитали его за благочестие, он занимал в колонии немало важных постов и умер накануне разорения, о котором так и не узнал. Такова была судьба многих из тех, кто привозил сюда большое состояние.

Общественный вес переселенца обычно зависел от числа его белых слуг и прихлебателей, а также от занимаемых им должностей. Если судить по этим признакам, предок нашего судьи был важной персоной.

Однако теперь, обращаясь к истории первых лет существования этих колоний, мы не можем не заметить одну любопытную закономерность: почти все, кто приехал сюда богатыми, постепенно беднели, а зависевшие от них бедняки, наоборот, богатели. Изнеженный богач, не приспособленный к суровым условиям жизни, которая ждала его в совсем еще молодой стране, благодаря своим личным качествам и образованию еще мог, хотя и с трудом, поддерживать положение, приличествовавшее его рангу, но, когда он умирал, его избалованным и относительно невежественным отпрыскам приходилось уступать первенство энергичным, закаленным нуждой людям из низов. И в наши дни это явление не так уж редко, но в тихих и мирных квакерских колониях Пенсильвании и Нью-Джерси именно оно определяло дальнейшую судьбу высших и низших слоев общества.

Потомки Мармадюка не избежали удела тех, кто больше полагался на родовое богатство, чем на собственные силы, и в третьем поколении они были уже почти нищими – насколько в нашей благодатной стране могут быть нищими люди честные, умные и умеренные в своих привычках. Но теперь та же семейная гордость, которая, оправдывая самодовольное безделье, довела их до столь плачевного положения, пробудила в них энергию и желание вернуть утраченное, сравняться с предками в общественном положении, а если удастся, то и в богатстве.

Первым начал вновь подниматься по ступеням общественной лестницы отец судьи – нашего нового знакомого. Его успеху немало способствовала удачная женитьба – благодаря приданому жены он смог дать сыну прекрасное образование, которого мальчик не получил бы в довольно скверных учебных заведениях Пенсильвании, где в свое время учились и он сам и его отец.

В дорогой школе, куда молодой Мармадюк был теперь послан, он подружился с одним из своих сверстников. Эта дружба оказалась очень полезной для нашего судьи и положила начало его дальнейшему преуспеянию.

² Перевод эпиграфов из Шекспира дается по Полному собранию сочинений в восьми томах, изд-во «Искусство», М., 1957–1960.

³ П е н с и л ь в а н и я – один из американских штатов, названный так по имени Уильяма Пенна (1644–1718), который был вынужден уехать из Англии, так как принадлежал к религиозной секте квакеров.

Эдвард Эффингем принадлежал к семье не только очень богатой, но и имевшей большие связи при английском королевском дворе. Его родные, например, что в колониях было редкостью, считали торговлю унизительным для себя занятием и покидали уединение частной жизни, только чтобы заседать в законодательных собраниях колонии или с оружием в руках выходить на ее защиту. Отец Эдварда с ранней юности посвятил себя военной карьере. Шестидесять лет назад, во времена владычества Англии, продвигаться по службе американскому офицеру было намного труднее, чем сейчас, и ждать производства приходилось гораздо дольше. Проходили многие годы, прежде чем такой офицер получал под свое командование роту, и тогда он считал само собой разумеющимся, что мирные труженики колонии должны относиться к нему с величайшим почтением. Те наши читатели, кому приходилось бывать за Ниагарой⁴, несомненно, замечали, каким уважением пользуются даже в далекой Канаде самые, казалось бы, незначительные представители королевской армии и какого они о себе высокого мнения. Не так давно ту же картину можно было наблюдать и у нас в Штатах, хотя теперь, к счастью, все это уже в прошлом. И никто уже не носит мундира, кроме добровольцев, откликнувшихся на призыв свободного народа⁵. Вот почему, когда отец Эдварда после сорока лет службы в армии вышел в отставку в чине майора, он стал одним из виднейших граждан своей родной Нью-Йоркской колонии. Правда, этому немало способствовало и его весьма значительное состояние. Он пользовался репутацией храброго и находчивого офицера, и ему, по обычаю колоний, нередко доверялось командование самостоятельными отрядами, на что он по своему чину, казалось бы, не имел права; а когда возраст заставил его подать в отставку, он отказался от пенсии или какого-либо иного вознаграждения за свою долгую службу.

Военное министерство предлагало ему различные гражданские посты, не только почетные, но и доходные, однако он со свойственной ему благородной независимостью не принял ни одного из них. Вслед за этим проявлением патриотического бескорыстия старый воин и в своей частной жизни совершил столь же великодушный поступок, может быть не слишком осторожный, но зато вполне соответствовавший его прямой, бесхитростной натуре.

Эдвард был его единственным ребенком, и, когда он женился на девушке, которую выбрал для него отец, тот передал ему все свое имущество: деньги, городской дом, поместье, доходные фермы и огромные участки девственных лесов. Себе майор не оставил ничего, твердо зная, что сын с радостью будет покоить его старость. Когда майор Эффингем отклонил щедрые предложения военного министерства, многие решили, что рассудок его к старости ослабел: и в самых отдаленных уголках английских владений всегда находятся люди, которые больше всего на свете ценят милости двора и правительства. Когда же он затем добровольно отказался от всего своего состояния, никто уже не сомневался, что почтенный майор впал в детство. Вероятно, поэтому он вскоре утратил свое положение в обществе, и если его поступки диктовались стремлением к уединенной жизни, он мог теперь беспрепятственно ею наслаждаться.

Но как бы ни судил об этом свет, для самого майора и для Эдварда подобная передача имущества представлялась самым естественным поступком: для старика отца богатство стало теперь только обузой, и он возлагал заботу о нем на сына, потому что тот больше подходил для этого и по характеру и по воспитанию. Младший Эффингем не был смущен ценностью дара, так как считал, что отец избавляется таким образом от докучных хлопот, полностью сохраняя за собой если не юридическое, то моральное право распоряжаться этими деньгами. Короче говоря, их взаимное доверие было так велико, что, по мнению обоих, они всего лишь переложили кошелек из одного кармана в другой.

⁴ По реке Ниагаре проходит граница между США и Канадой.

⁵ В описываемую эпоху в США не существовало регулярной армии.

Вступив во владение фамильным состоянием, молодой человек первым долгом отыскал друга своих школьных лет и предложил ему всю помощь, какая только была в его силах.

Его предложение пришлось весьма кстати, ибо отец Мармадьюка незадолго перед этим умер, и после раздела скромного наследства молодой пенсильванец остался почти без средств к существованию. Мармадьюк трезво оценивал свои деловые качества и видел не только достоинства Эдварда, но и его немногочисленные недостатки. Его друг был по натуре очень доверчив и не отличался предприимчивостью, хотя порой неожиданно совершал необдуманные и опрометчивые поступки, в то время как он сам был очень уравновешен, проницателен и энергичен. Таким образом, их деловая связь могла послужить к обоюдной выгоде. Мармадьюк с радостью принял помощь Эдварда, и они без труда договорились об условиях. На деньги мистера Эффингема в столице Пенсильвании был основан торговый дом, единственным юридическим владельцем которого стал Темпл, хотя его друг негласно получал половину прибылей. Эдвард настаивал на том, чтобы все это сохранялось в тайне по двум причинам: во-первых (в этом он не признался своему другу), для гордого потомка храбрых солдат занятие коммерцией, даже через посредника, представлялось унижительным; а во-вторых, о чем он откровенно сказал Мармадьюку, если бы их уговор стал известен его отцу, тот никогда бы ему этого не простил. У старика были с пенсильванскими квакерами свои счета.

Дело в том, что майор Эффингем одно время служил на западной границе Пенсильвании, которой грозило тогда нападение французов и индейцев, заключивших между собой военный союз. И вот миролюбие пенсильванских квакеров чуть не привело к тому, что и он и его солдаты едва не лишились жизни, не говоря уже о славе. Это, с точки зрения старого солдата, было настоящим предательством: ведь он сражался, чтобы защитить колонистов. К тому же он считал, что коварные и злобные враги не оценят их христианской кротости, а главное, не сомневался, что, отказывая ему в помощи, они не добьются мира, а только погубят его отряд. После отчаянной схватки ему с горсткой солдат удалось уйти от безжалостных преследователей, но он до конца своих дней не мог простить тех, кто оставил его одного в тяжелый час, хотя только ради них он подвергался опасности. Напрасно ему доказывали, что не по воле колонистов он был послан на их границу: это было сделано для их блага, утверждал майор, и «их религиозный долг повелевал им оказать ему помощь».

Старый воин всегда недолюбливал квакеров за их христианское смирение. Умеренность и здоровый труд наделили колонистов огромной физической силой, но ветеран смотрел на их богатырские фигуры с презрением: какой от всего этого толк, казалось, говорили его глаза, если голова у них забита всяким вздором? Он любил также повторять, что тщательное соблюдение внешних форм религии указывает на скудость веры. К этому можно было бы добавить еще многое, но мы вовсе не собираемся тут разбирать, каким должен быть истинный христианин, а просто сообщаем читателю взгляды майора Эффингема.

Вот почему Эдвард, хорошо зная, как относится его отец к колонистам-пенсильванцам, не решался сообщить ему о том, что заключил с одним из них деловое соглашение и что теперь их благосостояние зависит от честности какого-то квакера.

Мы уже упоминали, что эмигрировавший в Америку прапрадед Мармадьюка был близким другом Уильяма Пенна. Однако отец нашего героя женился на женщине, не принадлежавшей к секте квакеров, и поэтому его сын не получил обычного для них религиозного воспитания. Тем не менее детство Мармадьюка прошло в обществе, где все, даже самые будничные дела были пронизаны религиозным духом, и это не могло не наложить отпечатка на его манеры и речь. Правда, позже, вступив в брак с женщиной, которой квакерство было совершенно чуждо, он во многом избавился от этих привычек: но все же некоторые из них сохранились у него до самой смерти, а в минуты душевного волнения он обычно начинал говорить библейским языком своей юности. Но не будем забегать вперед.

Как бы то ни было, в дни, когда Мармадюк стал компаньоном молодого Эффингема, внешностью и манерами он очень походил на квакера, и Эдвард опасался, что ему не удастся рассеять предубеждение своего отца. Поэтому их деловая связь сохранялась в глубокой тайне от всех, кого она прямо не касалась.

В течение нескольких лет Мармадюк благодаря своему трезвому уму и практической сметке очень успешно вел дела фирмы, и они получали большие прибыли. Он, как мы уже упомянули, женился на той, кому впоследствии суждено было стать матерью Элизабет, и друзья виделись все чаще. Мистер Эффингем, весьма довольный своим компаньоном, уже подумывал о том, чтобы предать их тайну гласности, но как раз в это время начались волнения, предшествовавшие войне за независимость⁶.

Мистер Эффингем, в котором отец воспитал глубокую преданность королю, с самого начала распри между колонистами и Англией выступил горячим защитником прав своего государя, а Мармадюк Темпл, человек с ясным умом, не зараженный аристократическими предубеждениями, встал на сторону народа. Конечно, оба следовали взглядам, привитым им с детства: сын верного королю доблестного солдата считал волю монарха нерушимым законом, а потомок квакера, претерпевшего гонения вместе с Пенном, не мог забыть незаслуженные обиды своих предков.

Это расхождение во взглядах давно служило причиной дружеских споров между компаньонами, но теперь оно переставало быть их частным делом, так как Мармадюк со свойственной ему дальновидностью уже замечал первые признаки надвигающейся бури. Искры недовольства скоро разгорелись в пожар, и колонии, которые теперь стали называть себя Штатами, оказались ареной многолетней кровопролитной борьбы.

Незадолго до битвы при Лексингтоне⁷ мистер Эффингем, к тому времени уже овдовевший, передал Мармадюку на хранение все свои ценности и, простившись с отцом, покинул страну. Но в самом начале войны он снова появился в Нью-Йорке, уже в мундире офицера королевской армии, и, получив под командование полк, выступил с ним к театру военных действий. Мармадюк же открыто встал на сторону мятежников, как их тогда называли. Разумеется, всякие сношения между друзьями прекратились – полковник Эффингем не искал их, а Мармадюк проявлял благоразумную сдержанность. Вскоре последнему пришлось покинуть столицу Пенсильвании Филадельфию, но он успел спасти от королевской армии все свое имущество, а также ценности, принадлежавшие его другу. До конца войны он продолжал служить своей стране, занимал различные гражданские посты и исполнял поручавшиеся ему обязанности с большой добросовестностью и пользой. Однако Мармадюк не упускал из виду и собственной выгоды – так, во время распродажи поместий, конфискованных у сторонников короля, он приехал в Нью-Йорк и скупил большое количество земель по сравнительно низкой цене.

Когда Мармадюк стал хозяином имущества, насильно отнятого у его прежних владельцев, квакеры первое время смотрели на него довольно косо. Однако сопутствовавший ему успех, а может быть, и широкое распространение этого греха среди их единоверцев, скоро обелили его в глазах щепетильных сектантов; правда, кое-кто из тех, кому повезло меньше, иной раз намекал, что честным путем так быстро нажиться невозможно, но незапятнанное прошлое мистера Темпла да и его богатство вскоре заставили забыть о подобных подозрениях.

После окончания войны и утверждения независимости Штатов мистер Темпл оставил торговлю, ставшую в те дни весьма неверным и рискованным делом, и занялся освоением обширных земельных участков, которые он приобрел. Деньги и большая практическая сметка помогли ему преуспеть в этом начинании, хотя суровый климат и дикая природа тех мест,

⁶ Война американских колоний Англии против британского владычества (1775–1783).

⁷ Первое сражение в войне за независимость (1775).

казалось, не обещали ничего хорошего. Состояние его возросло в десять раз, и он считался теперь одним из самых богатых и влиятельных людей в штате. А наследница у него была одна – его дочь, с которой мы уже познакомили читателя, пока он везет ее из пансиона в свой дом, давно уже ожидающий хозяйку.

Когда население тех краев, где находилось его поместье, увеличилось настолько, что там можно было создать округ, мистер Темпл был избран его судьей. Это может вызвать улыбку у какого-нибудь ученого английского законника, но, во-первых, иного выхода не было, так как новые поселения не изобилуют юристами с университетскими дипломами, а во-вторых, умный и умудренный жизненным опытом человек может успешно справиться с любыми трудными обязанностями. И Мармадюк, отличавшийся, как мы уже говорили, острым и ясным умом, не только выносил справедливые решения, но и всегда мог достаточно логично их обосновать. Как бы то ни было, в те годы все судьи нашей страны назначались именно так, и судья Темпл оказался нисколько не хуже остальных своих коллег и, по общему мнению, – которое он, впрочем, разделял и сам, – считался даже одним из лучших.

На этом мы закончим краткий рассказ о жизни и характере некоторых из наших героев и в дальнейшем предоставим им действовать и говорить самим.

ГЛАВА III

*Все зримое тобой природа создала:
И скалы, что стремятся к небесам
Подобно башням замков вековых,
И мощные деревья, чьи стволы
Раскачивает ветер ледяной,
И блещущие искрами снега,
Чья белизна и мрамор посрамит.
Но грубый человек труды ее
Нередко за единый портит миг.*

Дуо

Прошло несколько минут, прежде чем Мармадьюк Темпл немного оправился от пережитого волнения и смог рассмотреть своего нового спутника. Перед ним был молодой человек лет двадцати двух – двадцати трех, выше среднего роста. Ему пришлось ограничиться этими наблюдениями, так как фигуру юноши совершенно скрывала грубая куртка, туго перепоясанная шерстяным кушаком, точно таким же, как у Кожаного Чулка. Судья перевел взгляд на его лицо. Когда юноша садился в сани, черты его были омрачены странной тревогой, которую Элизабет сразу заметила, но, как ни старалась, не могла понять. Эта тревога была особенно сильна, когда юноша умолял старого охотника не проговориться, но и потом, когда он, сдавшись на их просьбы, занял место в санях, нетрудно было понять, что это доставляет ему мало удовольствия. Однако постепенно хмурые морщины на его лбу разгладились, и теперь он сидел молча, по-видимому погруженный в глубокую задумчивость. Судья несколько минут внимательно смотрел на него, а затем улыбнулся, словно прося прощения за свою забывчивость, и сказал:

– Кажется, мой юный друг, от ужаса я совсем лишился памяти: ваше лицо мне знакомо, но, даже если бы мне предложили двадцать оленьих хвостов для украшения моей шапки, я не смог бы назвать вашего имени.

– Я приехал сюда всего три недели назад, – ответил юноша холодно, – а ваше отсутствие, если не ошибаюсь, длилось полтора месяца.

– Завтра исполнится пять недель со дня моего отъезда. И все же я вас где-то видел. Впрочем, я так испугался, что, того и гляди, увижу вас сегодня ночью в окровавленном саване у своего изголовья. Что скажешь, Бесс? *Compos mentis*⁸ я сейчас или нет? Сумел бы я сейчас обратиться с речью к присяжным или, что в эту минуту гораздо важнее, сумею ли я сегодня вечером как должно встретить сочельник в большом зале Темплтона?

– Вероятно, сумеешь и то и другое, папочка, – донесся из-под пышных оборок капора веселый голосок. – Это ведь легче, чем убить оленя из дробовика.

Наступило короткое молчание, потом тот же голосок продолжал уже серьезно:

– На этот раз у нас больше, чем обычно, поводов для благодарственной молитвы.

Лошади, казалось, чувствовали, что долгий путь близится к концу; налегая на постромки, они еще быстрее повлекли сани по ровному плато и скоро достигли места, где дорога круто уходила под обрыв и, извиваясь по склону, спускалась в долину. Увидев четыре столба дыма, поднимавшиеся из труб его дома, судья очнулся от своих мыслей. Указывая на внезапно открывшиеся перед ними дом, поселок и долину, он весело воскликнул, обращаясь к дочери:

– Смотри, Бесс, вот мирный приют, где ты можешь прожить всю свою жизнь. И вы тоже, мой друг, если пожелаете остаться с нами.

⁸ В здравом рассудке (лат).

При этих словах молодые люди невольно посмотрели друг на друга, но взгляд Элизабет был холоден, хотя ее щеки вспыхнули румянцем, а странная улыбка, снова мелькнувшая на губах незнакомца, казалось, говорила, что вряд ли он согласится стать членом этой семьи. Однако вид долины мог растрогать сердце и куда более суровое, чем сердце Мармадюка Темпла.

Склон горы, по которому спускались сани, был настолько крут, что приходилось соблюдать величайшую осторожность, да и дорога в те дни была всего лишь узкой тропой, пролежавшей в опасной близости к обрыву. Поэтому кучер сдерживал нетерпеливых коней, и у Элизабет было достаточно времени, чтобы рассмотреть пейзаж, столь быстро менявшийся под воздействием человека, что теперь он лишь общими чертами напоминал ту восхитительную картину, которой она так часто любовалась в детстве. Прямо под ними простиралась сверкающая снежной белизной равнина, окруженная со всех сторон горами. Склоны их были круты и обрывисты, и почти все они густо поросли лесом. Только два-три пологих отрога нарушали однообразие гряды, окаймлявшей огромную снежную равнину, на которой не было ни единого дома, дерева или забора, так что она казалась белым облаком, опустившимся на землю. Лишь несколько темных пятен перемещалось по ее ровной поверхности, и Элизабет без труда догадалась, что это сани, направляющиеся к поселку или, наоборот, выезжающие из него.

Горы в западном конце равнины, хотя и высокие, были не такими обрывистыми и образовали множество долин и овражков, а также пологих уступов, вполне пригодных для земледелия. Большинство гор по эту сторону равнины поросло хвойными деревьями, но менее резкие очертания противоположного склона давали отдых глазу: там на более плодородной почве произрастали буковые и кленовые леса. Видневшиеся среди них белые поляны, над которыми нередко вились струйки дыма, показывали, что там уже поселились трудолюбивые фермеры. Кое-где эти поляны сливались в обширные вырубki – плод объединенного труда, но по большей части они были невелики и разобщены; впрочем, изменения происходили так быстро, а люди, их производившие, трудились с таким усердием и настойчивостью, что Элизабет, казалось, видела, как эти вырубki расширяются прямо у нее на глазах, и она в немом изумлении замечала, насколько иным стал облик всего края за несколько коротких лет.

Отроги в западной оконечности этой необыкновенной равнины, лишённые всякой растительности, и по размерам и по количеству превосходили отроги восточной ее оконечности. Один из них, особенно далеко выдававшийся вперед, был довольно крут, и на нем у самого обрыва над волной красивых сугробов высился гигантский дуб – он далеко простер свои ветви, словно стремясь хотя бы бросить тень на то место, куда не суждено было проникнуть его корням. Не стесненный, как его собратья в лесу, соседством других деревьев, он привольно раскинул могучие узловатые сучья, словно наслаждаясь своей свободой.

У южного края бесконечного белоснежного поля, почти под самыми ногами наших путешественников, виднелось пятно в несколько акров величиной – лишь его подернутая рябью поверхность да клубившийся над ним пар выдавали, что под ровной белой пеленой лежит горное озеро, скованное ледяным дыханием зимы. Там, где находилась эта полынья, из озера вырывался неширокий бурный поток, чей извилистый путь через настоящую долину к югу нетрудно было проследить по соснам и зарослям куги, окаймлявшим его русло, и по висящему над ним пару – ведь его вода была намного теплее морозного воздуха. Южный берег озера был обрывист, но невысок, а за ним простиралась долина, и рассеянные по ней многочисленные жилища поселенцев свидетельствовали о плодородии здешней почвы и относительно удобном сообщении с внешним миром.

У самого берега озера расположился поселок Темплтон. Он состоял примерно из пятидесяти строений самого различного вида, по большей части деревянных; архитектура их не отличалась большой изысканностью, и многие здания, казалось, не были закончены – очевидно, они возводились в большой спешке. Разнообразие их окраски поражало взгляд. Два-три дома

были целиком выкрашены в белый цвет, но большинство могло похвастать только белым фасадом, а на остальные три стены их честолюбивые, но расчетливые владельцы потратили более дешевую красновато-бурую краску. Некоторые строения уже потемнели от непогоды, и через разбитые стекла в окнах вторых этажей виднелись голые балки незаконченных перекрытий, – видимо, легкомыслие или тщеславие заставило их хозяев взяться за задачу, которая оказалась им не по плечу.

Все эти здания были расположены наподобие городской улицы, и тот, кто так распорядился, очевидно, думал больше о нуждах грядущих поколений, чем об удобствах теперешних обитателей поселка. Три-четыре наиболее солидных дома щеголяли, помимо белой краски, еще и зелеными ставнями, представлявшими в это время года странный контраст с погребенными под снегом полями, лесами, горами и озером. Перед дверями этих домов были посажены молодые деревца, почти совсем лишенные веток, – они походили на высоких гренадеров, стоящих на карауле у входа в княжеский дворец. Да и то сказать, хозяева этих роскошных жилищ были знатно Темплтона – настолько же, насколько Мармадюк Темпл был его королем. В них обитали два молодых человека, искушенных в юриспруденции, два лавочника, державшие в своих руках всю торговлю поселка, и молодой эскулап⁹, который, в отличие от большинства его собратьев, чаще встречал тех, кто появлялся на свет, чем провожал тех, кто его покидал.

Над всей этой пестрой архитектурной коллекцией господствовал особняк судьи Темпла. Он был окружен большим фруктовым садом, занимавшим несколько акров. Часть деревьев в нем осталась еще со времен индейцев, и их обомшелые, уже клонящиеся к земле стволы являли резкий контраст двух-трехлетним деревцам, видневшимся почти за всеми изгородями поселка. Кроме того, от ворот к подъезду вела аллея из молодых ломбардских тополей, которые тогда только-только были завезены в Америку.

Дом этот строился по указаниям некоего Ричарда Джонса, о котором мы уже упоминали; он приходился судье двоюродным братом, считался мастером на все руки, был очень услужлив и занимался хозяйственными делами, не требовавшими личного вмешательства Мармадюка. Ричард любил повторять, что особняк судьи, это дитя его фантазии, состоит из начала и конца всякой ученой проповеди, а именно: из «во-первых» и из «в заключение». Он начал с того, что построил высокое бревенчатое сооружение, выходявшее фасадом прямо на проезжую дорогу. В этом сарае (его трудно назвать как-нибудь иначе) семья прожила три года – именно такой срок понадобился Ричарду для осуществления его замысла.

В его тяжких трудах ему помогал некий странствующий ремесленник, который показал ему несколько засаленных гравюр с изображением известных английских зданий, а потом совсем покорила его учеными рассуждениями о фризах, антаблементах и, главное, о смешанном ордере. Он сделался для Ричарда непререкаемым авторитетом во всем, что касалось архитектуры. Правда, мистер Джонс тщательно скрывал это, держался с Хайремом Дулитлом покровительственно и выслушивал его пространные рассуждения о тайнах зодчества со снисходительной усмешкой. Однако то ли его собственные познания в этой области были настолько скудны, что он не мог найти веские возражения против доводов своего помощника, то ли он в душе проникался все большим восхищением перед ним, но он безоговорочно следовал всем советам Хайрема Дулитла.

И вот эта пара не только воздвигла дом для Мармадюка, но и определила архитектурный стиль всей округи. Мистер Дулитл заявил, что смешанный ордер – это мешанина из всех других ордеров и тем самым лучший из них, так как он разрешает вводить в план любые изменения в зависимости от обстоятельств или желания заказчика. Ричард был в этом с ним согласен, а когда два соперничающих гения, в чьем распоряжении находится наиболее значительный для их мест капитал, придерживаются одного мнения, им ничего не стоит положить начало моде

⁹ Э с к у л а п – римское имя греческого бога врачевания Асклепия; в ироническом смысле – врач, лекарь.

даже в куда более серьезных делах. И вот, как мы уже намекали, особняк судьи Темпла, который соседи называли «дворцом», послужил образчиком для всех честолюбивых строителей в окрестностях – они непременно заимствовали те или иные из его многочисленных красот.

Этот воздвигнутый «в заключение» дом был каменный, большой, квадратный и, как ни странно, удобный – четыре требования, на которых Мармадюк настаивал с необычным для него упрямством. Но во всем остальном Ричарду и его помощнику была предоставлена полная свобода. Эти достойные зодчие обнаружили, что инструменты, которыми пользовались их рабочие, не подходят для обработки камня – они были рассчитаны на материалы не тверже местной белой сосны, дерева настолько мягкого, что охотники пользовались его обрубками вместо подушек. Если бы не это досадное затруднение, нам, вероятно, пришлось бы затратить куда больше места для описания их великолепного детища. Но стены дома не поддавались никаким усилиям, и наши зодчие были вынуждены довольствоваться крыльцом и крышей. Первое они решили выдержать в строго классическом стиле, а на примере второй – доказать высокие достоинства смешанного ордера.

Крыша, утверждал Ричард, была той частью здания, которую древние всегда старались сделать как можно незаметнее, ибо она является бельмом на глазу архитектуры и терпят ее только потому, что она полезна. Кроме того, не без остроумия добавлял он, дом надо строить с таким расчетом, чтобы, откуда на него ни смотреть, он был виден только с фасада: раз уж на него могут глазеть со всех сторон и в любую погоду, незачем оставлять фланги не защищенными от нападок завистливых соседей. Поэтому было решено, что крыша будет почти плоская. Но Мармадюк запротестовал: зимой толщина снежного покрова в этих краях достигала трех-четырёх футов. К счастью, на помощь пришли особенности смешанного ордера, которые позволили найти среднее решение, приемлемое для всех: стропила были удлинены, с тем, чтобы образовался скат для снега и льда. Но, увы, в расчеты их размеров вкралась какая-то ошибка, а так как Хайрем считался великим знатоком «работы с угольником», ее никто не обнаружил, пока все тяжелые балки не были водружены над стенами. Тут, однако, только слепой не заметил бы, что крыша, вопреки всем правилам, стала наиболее заметной частью здания. Ричард и его помощник утешились мыслью, что ее удастся замаскировать, удачно расположив кровлю; однако каждая дранка оказывалась лишь новой приманкой для глаз. Ричард попробовал исправить положение с помощью краски и четырежды собственноручно перекрашивал злосчастную крышу. Сначала он заставил ее заблестать небесной голубизной, тщетно надеясь обмануть зрителя и внушить ему, что просто над жилищем Мармадюка Темпла небеса нависают особенно низко; потом он подобрал, по его словам, «облачный цвет», долженствовавший создать иллюзию дыма; третью краску Ричард назвал «зеленой невидимкой», но на фоне синего неба она оказалась более чем видимой. Убедившись, что крышу никак не скрыть, неукротимые зодчие пустили в ход всю свою изобретательность, чтобы как-то приукрасить дранку, оскорблявшую их изысканный вкус. После долгих размышлений и двух-трех проб при лунном свете Ричард наконец завершил дело, смело пустив в ход состав, который он окрестил «солнечным сиянием», не преминув при этом заверить судью, что это наиболее дешевый способ навсегда обеспечить себе ясную погоду над головой.

По краю крыши были воздвигнуты перила, блиставшие всеми цветами радуги, и тут Хайрем превзошел самого себя, изготавливая всяческие урны и лепные завитушки, которыми затем обильно украсил эту ограду. Сперва Ричард носился с оригинальнейшей мыслью: сделать печные трубы такими низкими, чтобы они казались частью этих украшений. Но соображения удобства заставили вместе с крышей поднять и трубы, иначе от дыма не было бы спасенья, и теперь при взгляде на особняк судьи вы прежде всего замечали четыре внушительные трубы.

Постройка этой крыши была наиболее важным событием всей архитектурной карьеры мистера Джонса, и неудача нанесла весьма болезненный удар его самолюбию. Сперва он намекал своим знакомым, что во всем виноват Хайрем, который оказался сущим невеждой в обра-

щении с угольником. Но затем, привыкнув к виду этого сооружения, Ричард начал созерцать дело рук своих с гораздо большим удовлетворением. Вскоре он уже и думать забыл о некоторых погрешностях архитектуры «дворца» и принялся всю его расхваливать. Недостатка в слушателях не было, а поскольку богатство и комфорт всегда привлекательны, у него, как было упомянуто выше, нашлось в этих краях немало последователей. Не прошло и двух лет, как он уже мог, взобравшись на свою крышу, не без удовольствия созерцать три смиренных подражания полету своей фантазии. Вот так мода старается следовать даже недостаткам великих мира сего.

Неуклюжая крыша несколько не огорчила Мармадюка, и вскоре он с помощью некоторых изменений и добавлений сумел придать своему жилищу вполне солидный и достойный вид. Впрочем, подобными несоответствиями страдал не только дом судьи, но и весь окружающий пейзаж.

Среди вывезенных из Европы тополей и в зарослях молодых ив и других местных деревьев виднелись снежные бугры, скрывавшие пни срубленных сосен, а кое-где над белыми сугробами высились безобразные обугленные стволы деревьев, пострадавших от огня. Эти черные, лоснящиеся «столбы», как их называли местные жители, изобиловали в полях, окружавших поселок, и нередко рядом с ними торчала засохшая сосна или хемлок, с которых была содрана кора; их голые сучья, некогда одетые пышной хвоей, уныло раскачивались на ледяном ветру.

Однако Элизабет ничего этого не замечала. Пока сани спускались в долину, она восторженно любовалась общим видом поселка, словно карта, расстланная у ее ног. Она видела только живописную группу домов; пятьдесят столбов дыма, поднимающихся из долины к облакам; замерзшее озеро, окруженное склонами гор в уборе вечнозеленых лесов; тени сосен, ложившиеся на его белую поверхность, – они с каждой минутой удлинялись, по мере того как солнце клонилось к закату; темную ленту потока, вытекавшего из озера и бежавшего своим извилистым путем к далекому Чесапикскому заливу. Ведь все это она помнила с детства и узнавала, несмотря на множество перемен. А за пять лет этих перемен тут произошло больше, чем могло бы произойти за целое столетие в какой-нибудь стране, где время и труд придали прочность творению человеческих рук.

Для молодого охотника и для судьи этот ландшафт давно уже стал привычным, и все же каждый раз, когда, оказавшись на опушке темного горного леса, они охватывали взглядом внезапно открывавшуюся перед ними прекрасную долину, они снова и снова испытывали все тот же восторг. Вот и теперь юноша восхищенно оглядел ее, прежде чем опять опустить голову на грудь, а судья с добродушным удовольствием продолжал созерцать эту картину, говорившую о зажиточной и спокойной жизни, – ведь именно он основал этот поселок и именно ему были обязаны местные жители своим благосостоянием.

Тут наши путешественники услышали веселый перезвон бубенцов, и все повернули головы в ту сторону, откуда он доносился. Судя по звуку, вверх по склону неслись сани, запряженные сильными лошадьми, которых возница нещадно нахлестывал кнутом. Однако высокий кустарник, окаймлявший извилистую дорогу, заслонял встречный экипаж, пока он не оказался совсем рядом.

ГЛАВА IV

Что такое? Чья кобыла подохла? В чем дело?

*Шекспир,
«Король Генрих IV»*

Вскоре за голыми прутьями кустарника мелькнули большие деревянные сани, запряженные четверней. Выносные лошади были серой масти, а задняя пара – черные, как уголь, вороны. Их сбруя была сплошь увешана бесчисленными бубенцами, которые трезвонили вовсю, – и возница гнал лошадей, не обращая внимания на крутизну дороги. Судье было достаточно одного взгляда, чтобы узнать седоков этого необыкновенного экипажа. Их было четверо. К передку саней был крепко-накрепко привязан конторский табурет, на котором восседал маленький человечек, совсем утонувший в тяжелой, подбитой мехом шубе, – из нее виднелось только его лицо, пылавшее багровым румянцем. Нетрудно было заметить, что этот господин обладает привычкой постоянно задираť голову, как будто хочет исправить ошибку природы, поместившей ее слишком близко к земле. Физиономия его выражала деловитую важность, и он бесстрашно понукал горячих коней, которые неслись над самым обрывом. Спирной к нему сидел высокий мужчина, закутанный в две шубы и лошадиную попону, но даже в этом наряде никто не принял бы его за широкоплечего силача. Когда сани совсем сблизились и он повернулся к Мармадюку, из-под вязаного шерстяного колпака выглянуло остренькое личико, словно приспособленное к тому, чтобы разрезать воздух с наивозможной легкостью, ибо выпуклыми на этом лице были только глаза, которые поблескивали по обеим сторонам переносицы наподобие двух голубых стеклянных шариков. Его желтую кожу не смог разругнуть даже жгучий мороз этого вечера. Напротив него сидел низенький толстяк, закутанный в тяжелую шубу. Лицо его дышало спокойствием и невозмутимостью, но веселые черные глаза показывали, что выражение это обманчиво. На нем, как и на двух его уже описанных спутниках, была кунья шапка, надетая поверх аккуратного светлого парика. У четвертого седока было кроткое продолговатое лицо; несмотря на холод, он был облачен только в черный сюртук довольно хорошего покроя, но сильно потертый и порыжевший от времени. Его шляпа была бы вполне приличной, если бы давно уже не утратила ворс от частого знакомства со щеткой. Он был бледен и несколько меланхоличен – такой вид обычно бывает у людей, проводящих свои дни над книгами. От свежего воздуха щеки его слегка порозовели, но и этот румянец казался несколько болезненным. Он производил впечатление (особенно по сравнению со своим благодушным соседом) человека, которого терзает какая-то тайная грусть.

Не успели сани сблизиться, как маленький возница закричал во все горло:

– Съезжай в выемку! Съезжай в выемку, кому я говорю, греческий царь! Съезжай в выемку, Агамемнон¹⁰, а то мы не разъедемся! Добро пожаловать домой, братец Дьюк! Добро пожаловать, добро пожаловать в родные края, черноглазая Бесс! Как видишь, Мармадюк, я прихватил ценный груз, чтобы достойно тебя приветствовать! Мосье Лекуа успел натянуть только один колпак; старый Фриц не стал даже доканчивать бутылку, а мистер Грант так и не дописал «в заключение» к своей проповеди. И все лошади просто рвались к тебе навстречу... Да, кстати, судья, твоих вороных надо поскорее продать, и я сам этим займусь: они сбиваются с аллюра, а правая совсем не умеет ходить в упряжке. Я уже знаю, кому их сбыть...

– Продавай что хочешь, Дик, – весело перебил его судья, – только оставь мне дочку и землю... А, Фриц, старый мой друг! Поистине, семьдесят лет не могу оказать большей любез-

¹⁰ А г а м е м н о н – в греческой мифологии царь Микен и верховный военачальник греков в Троянской войне. Американские рабовладельцы часто давали своим рабам мифологические и исторические имена.

ности сорока пяти. Мосье Лекуа, ваш покорный слуга. Мистер Грант, – при этих словах судья приподнял шляпу, – я высоко ценю ваше внимание. Господа, представляю вам мою дочь. А ваши имена ей хорошо известны.

– Топро пошаловать, сутья! – сказал старший из встречающих с сильным немецким акцентом. – Мисс Петси толшна мне поселуышник!

– И будет очень рада отдать вам этот долг, сэр, – сказала Элизабет; ее нежный голосок прозвенел в горном воздухе, как серебряный колокольчик, и даже крики Ричарда не могли его заглушить. – У меня всегда найдется поцелуй для моего доброго друга майора Гартмана.

К этому времени господин на переднем сиденье – тот, кого называли «мосье Лекуа», – сумел наконец выпутаться из своих длиннополых шуб и подняться на ноги; затем он, опершись одной рукой на табурет возницы, другой снял шапку, любезно кивнул судье, поклонился Элизабет и начал приветственную речь.

– Прикрой макушку, дорогой француз, скорее прикрой! – крикнул возница, иными словами – мистер Ричард Джонс. – Не то как бы мороз не унес остатки твоих кудрей! Эх, будь у Авессалома¹¹ такие редкие волосы, он и по сей день здравствовал бы!

Все шутки Ричарда непременно вызывали смех, во всяком случае – его собственный. И на этот раз он тоже не замедлил почтить свое остроумие взрывом оглушительного хохота, к которому из вежливости присоединился и мосье Лекуа, вновь опустившийся на сиденье.

Священник – мистер Грант был служителем церкви – в свою очередь смиренно, хотя и очень сердечно поздоровался с новоприбывшими, и Ричард приготовился повернуть лошадей, чтобы ехать домой.

Однако повернуть их он мог только в выемке или поднявшись на вершину горы. Выемка эта образовалась в склоне благодаря тому, что местные жители выламывали тут камень для постройки своих домов. Ричард нарочно остановил лошадей как раз возле нее, собираясь воспользоваться ею для поворота. На такой узкой дороге было не просто и даже опасно разехаться двум экипажам, но Ричард, ничуть не смутившись, затеял повернуть тут сани, запряженные четверней. Негр услужливо вызвался отпрячь выносных лошадей, и судья от всего сердца одобрил его благоразумное решение, однако Ричард отнесся к нему с величайшим презрением.

– Да с какой это стати, братец Дьюк! – крикнул он в сердцах. – Лошади смиренны, как овечки. Или ты забыл, что выносных я сам вышколил, а дышловым хорошо известно, что с моим кнутом шутки плохи? Спросите хоть у мосье Лекуа – он знает в этом толк, потому что не раз выезжал со мной. Вот пусть он скажет, опасно ли это!

Мосье Лекуа был истинным французом и, разумеется, не обманул ожиданий, возлагавшихся на его храбрость. Однако, когда Ричард завернул переднюю пару лошадей в каменоломню, он не мог оторвать взгляд от разверзшейся перед ним пропасти, и его рачьи глаза совсем вылезли из орбит. Немец сохранял полное спокойствие, но пристально следил за каждым движением возницы и лошадей. Мистер Грант ухватился за край саней, словно собираясь соскочить на землю, но, по робости душевной, не решался на прыжок, которого настоятельно требовал от него инстинкт самосохранения.

Ричард, неожиданно стегнув выносных, заставил их войти в заметенную снегом выемку. Однако наст проламывался под их копытами, ранил им ноги, и норовистые кони тут же остановились как вкопанные и упорно отказывались сделать еще хоть шаг вперед. Наоборот, испугавшись криков своего кучера и сыпавшихся на их спины ударов, они начали пятиться, прижимая дышловых к саням; дышловые, в свою очередь, тоже попятнулись, и сани, уже стоявшие поперек дороги, поползли назад. Верхнее бревно деревянного наката, укреплявшего дорогу со стороны долины, обычно выдавалось над краем обрыва, но теперь оно тоже было погребено

¹¹ Авессалом – по библейской легенде, царевич, который был захвачен врагами и убит, потому что во время бегства его длинные волосы запутались в ветвях кустарника.

под снегом и не представляло никакой помехи для скользящих полозьев. Ричард не успел еще сообразить, что произошло, как половина саней уже повисла над стофуттовым обрывом. Француз, сидевший спиной к лошадям, первый измерил взглядом глубину зиявшей под ними пропасти, что есть мочи откинулся назад и закричал:

– Ah, mon cher monsieur Dick! Mon Dieu! Que faites vous?¹²

– Доннерветтер¹³, Рихарт! – воскликнул немец, поглядывая с необычным для него волнением. – Так ты ломаешь сани и упьешь лошадей.

– Любезный мистер Джонс, – вздохнул священник, – будьте осмотрительны, мой добрый сэр... будьте осторожны.

– Вперед, вперед, упрямые дьяволы! – возопил Ричард, заметив наконец, что под ними разверзлась бездна, и от горячего желания продвинуться вперед брыкая свой табурет. – Но-о, но-о! Братец Дьюк, я и серых продам. В жизни не видел таких необъезженных кляч! Мусью Леква! – От волнения Ричард забыл свое французское произношение, которым обычно очень гордился. – Мусью Леква, да отпустите же мою ногу! Вы так в нее вцепились, что понятно, с чего это лошади начали пятиться!

– Боже милостивый! – испуганно сказал судья. – Они все разобьются!

Элизабет громко вскрикнула, а черное лицо Агамемнона стало мутно-серым от ужаса.

В эту роковую минуту молодой охотник, который, пока все остальные обменивались веселыми приветствиями, сидел в угрюмом молчании, выпрыгнул из саней Мармадюка и схватил под уздцы заартачившихся выносных. Лошади, которых Ричард продолжал бессмысленно хлестать кнутом, не понимали, чего он от них хочет, и топтались на месте, но в любую секунду неожиданный толчок мог сбросить сани с обрыва. Юноша сильным рывком заставил их вернуться на дорогу – на то место, откуда они начали поворот. Сани мгновенно оказались в безопасности, но при этом они перевернулись в противоположную от обрыва сторону. Немец и священник были бесцеремонно выброшены на утоптаный снег, не получив, по счастью, никаких серьезных повреждений. Ричард описал в воздухе дугу – радиусом ей послужили крепко сжатые в его руках вожжи – и свалился на расстоянии пятнадцати футов от места катастрофы в тот самый сугроб, от которого попятись лошади. Но и упав, он продолжал цепляться за вожжи, как утопающий за соломинку, и поэтому оказался отличным якорем для саней. Француз, вскочивший было на ноги, чтобы выпрыгнуть на дорогу, тоже совершил воздушный полет – но в позе мальчугана, играющего в чехарду, и, описав сложную кривую, вонзился в снег головой вперед: теперь над белым сугробом торчали две длинные тощие ноги, точно два пугала над полем пшеницы. Майор Гартман, ни на йоту не утративший спокойствия во время всех этих кувырканий, первым поднялся на ноги и первым обрел дар речи.

– Шорт возьми, Рихарт! – воскликнул он полусерьезно, полушутливо. – Ты очень утчно разгрузил свои сани.

Мистер Грант, прежде чем подняться, несколько секунд простоял на коленях, то ли вознося благодарственную молитву творцу, который спас его от гибели, то ли не совсем очнувшись после удара о землю. Потом он медленно встал на ноги и, весь дрожа от пережитого испуга, начал с тревогой оглядываться, живы ли его спутники. Мистер Джонс тоже был несколько ошеломлен падением, но, как только туман, заставший его глаза, рассеялся и ему стало ясно, что все обошлось благополучно, он не замедлил самодовольно воскликнуть:

– Прямо сказать, ловко это у меня вышло, и как раз вовремя! Если бы я не сообразил покрепче сжать вожжи, эти бешеные дьяволы валялись бы сейчас под обрывом. Ну, не молодец ли я, Дьюк? Еще секунда – и было бы уже поздно. Но я знал, где пощекотать правую выносную: хлестнул ее справа под брюхо, рванул вожжи, и они, как овечки, вернулись на дорогу!

¹² – Ах, дорогой господин Дик! Боже мой! Что вы делаете? (франц.)

¹³ – Черт поberi! (нем.)

– Ты хлестнул! Ты рванул! Теперь я вижу, что с тобой ничего не случилось, Дик! – весело сказал судья, убедившись, что все остались целы и невредимы. – Если бы не этот храбрый юноша, и ты и твои, а вернее, мои лошади разбились бы вдребезги. Но где мосье Лекуа?

– Oh, mon cher Juge! Mon ami!¹⁴ – раздался приглушенный голос. – Слава богу, я жив! Мой добрый мосье Агамемнон, может быть, вы спуститесь сюда и поможете мне встать с головы на ноги?

Священник и Агамемнон ухватили погребенного француза за ноги и извлекли его из трехфутового сугроба – недаром голос несчастного доносился словно из склепа. Но и после своего освобождения из снежного плена мосье Лекуа не сразу собрался с мыслями – некоторое время он простоял, задрав голову и стараясь разглядеть, с какой же высоты он свалился. Едва он убедился, что остался жив и здоров, как к нему вернулось хорошее настроение, но он долго не мог разобраться, где, собственно, он находится.

– Как, мосье! – крикнул Ричард, усердно помогая негру отпрягать выносных лошадей. – Как, мосье, вы тут? А мне показалось, что вы улетели на вершину горы.

– Слава богу, что я не улетел в озеро, – ответил француз, на чьем подвижном лице гримаса боли (он сильно поцарапался, пробивая головой твердый наст) не могла уничтожить обычное любезное выражение. – Ah, mon cher мистер Дик, что вы будете делать теперь? Я не знаю, чего вы еще не пробовали.

– Надеюсь, что теперь он будет учиться править лошадьми, – заметил судья, сбрасывая со своих саней тушу оленя и несколько баулов. – Тут хватит места для вас всех, господа. Мороз крепчает, мистеру Гранту надо торопиться, чтобы успеть приготовить проповедь, – пусть наш милейший Джонс с помощью Агамемнона поворачивает свои сани, а мы, не дожидаясь его, поспешим к теплему камину. Дик, будь добр, когда будешь готов, прихвати вот эти сундучки с нарядами Бесс и вот этого оленя, которого я убил. Агги! Не забудь, что сегодня ночью Санта-Клаус¹⁵ принесет подарки.

Негр ухмыльнулся, отлично понимая, что хозяин его задабривает, чтобы он не проговорился, кто на самом деле убил оленя; а Ричард, не дожидаясь конца речи судьи, уже начал свой ответ:

– «Будет учиться править лошадьми»! Что это ты выдумал, братец Дьюк? Да кто лучше меня во всей округе разбирается в лошадях? Разве не я объездил ту кобылку, которая никого к себе не подпускала? Правда, твой кучер болтал, будто он ее уже укротил, когда я за нее взялся, но всякому было известно, что он врет, – продолжал он, не замечая, что сани судьи уже исчезают за поворотом. – Этот Джон был известный лгун... Смотрите-ка, да, никак, олень? – Оставив лошадей, Ричард подбежал к сброшенной на снег туше. – И то олень! Подумать только! И две раны – он стрелял из обоих стволов и оба раза попал. Черт побери, теперь Мармадьюк нам все уши прожужжит этим оленем! Он мастер хвастать по пустякам. Вот уж не поверил бы: Дьюк убил оленя в сочельник! От него теперь никому житья не будет. А выстрелы-то скверные – чистая случайность, что он не промазал. Я вот никогда не стреляю дважды в одного оленя: либо уложу его наповал, либо пусть себе бежит. Ну, будь это медведь или рысь, тогда другое дело, тогда можно и из второго ствола выстрелить. Эй, Агги! Как далеко был олень, когда судья стрелял в него?

– Ну, масса Ричард, ярдов этак пятьдесят, – ответил негр, подлезая под брюхо лошади, словно для того, чтобы подтянуть подпругу, а на самом деле – чтобы скрыть широкую, от уха до уха, ухмылку.

¹⁴ – О, мой дорогой судья! Друг мой! (*франц.*)

¹⁵ С а н т а К л а у с – сказочный персонаж вроде Деда Мороза. По поверью, Санта Клаус в ночь под рождество оставляет подарки в чулках, которые дети нарочно вешают для этого.

– Пятьдесят ярдов! – повторил Ричард. – А помнишь, Агги, прошлой зимой я убил оленя со ста ярдов... Да нет, пожалуй, со ста пятидесяти. А с пятидесяти ярдов я в оленя даже стрелять не стану – какой интерес? И ведь ты, наверное, не забыл, Агги, что я стрелял всего один раз!

– Как же, масса Ричард, не забыл! А вторую пулю послал Натти Бампо. Люди говорят, сэр, что оленя-то убил Натти.

– Все это вранье, черномазый черт! – крикнул Ричард, выходя из себя. – Вот уже четыре года, как я даже белки убить не могу без того, чтобы старый мошенник не заявил, что это его добыча, а когда он молчит, так другие это говорят. До чего же наш мир завистлив! Люди всегда спешат разодрать славу в клочки, чтобы никому не досталось кусочка хоть чуть больше их собственного. Вот по всей округе болтают, будто Хайрем Дулитл помогал мне с проектом колокольни для церкви святого Павла, а ведь Хайрем знает, что это все моя работа. Ну, не отрицаю – я кое-что позаимствовал у лондонского собора того же названия, но все, что в этой колокольне есть гениального, принадлежит только мне.

– Я не знаю, чья это колокольня, – ответил негр, на этот раз без улыбки и с искренним восхищением в голосе, – да только все говорят, что красивее ее не найти.

– И правильно говорят, Агги, – увлеченно воскликнул Ричард и, совсем забыв об олене, подошел к негру – Скажу не хвастая, во всей Америке нет такой красивой сельской церкви, да к тому же еще построенной по всем правилам науки. Я знаю, что коннектикутские поселенцы чванятся своей молельней в Уэзерсфильде, но им верить нельзя – все они хвастуны, каких мало. И к тому же стоит им увидеть, что получается хорошо, как они сразу начинают вмешиваться и портить, чтобы потом присвоить себе половину заслуг, а то и все заслуги целиком. Может, ты помнишь, Агги, как я писал вывеску «Храброго драгуна» для капитана Холлистера? Помнишь, тот мазилка маляр, что красит дома под кирпич, как-то предложил помочь мне смешать состав, который я называю «черно-полосатый», для хвоста и гривы, а теперь, потому что лошадиный волос мне на диво удался, он направо и налево рассказывает, будто эту вывеску писал он со сквайром Джонсом. Если Мармадьок не выгонит этого мошенника из наших мест, пусть сам свой поселок и раскрашивает, а я больше палец о палец не ударю!

Тут Ричард прервал свою речь, чтобы откашляться, а негр в почтительном молчании продолжал грузить сани. Религиозные убеждения судьи не позволяли ему иметь рабов, и поэтому Агги считался слугой Ричарда, причем было оговорено, что через определенный срок он получит свободу. Но как бы то ни было, Ричард имел на него права, и молодой негр обычно предпочитал держать язык за зубами, когда между его законным и действительным владельцем начинался спор. Ричард несколько секунд молча глядел, как Агги затягивает ремни и застегивает пряжки, а потом с некоторым смущением продолжал:

– Вот увидишь, если этот молодой человек в ваших санях тоже из коннектикутских поселенцев, он будет каждому встречному и поперечному рассказывать, что спас моих лошадей, а ведь на самом деле, не вмешайся он именно в эту минуту, я бы с помощью кнута и вожжей заставил их вернуться на дорогу без всяких толчков, и сани не опрокинулись бы. Если дергать лошадь под уздцы, ее недолго и испортить. Теперь из-за этого его рывка мне, того и гляди, придется продать всю упряжку... – Тут Ричард запнулся: ему стало совестно ругать человека, который спас ему жизнь. – А что это за парень, Агги? Я его вроде не видел в наших местах.

Негр, помня о предстоящем появлении Санта-Клауса, коротко ответил, что они встретили юношу на вершине горы, ни словом не обмолвился о неудачном выстреле судьи и добавил только, что, по его мнению, это человек не здешний. В те времена люди с положением не гнушались подвозить бедных путников, которых нагоняли на заснеженных дорогах, и Ричард был вполне удовлетворен этим объяснением. Он внимательно выслушал Агги, а потом сказал:

– Ну, если этот малый не избаловался у нас в Темплтоне и еще помнит свое место, то я, пожалуй, им займусь, тем более что намерения у него были самые похвальные. Может быть, он охотится за хорошим участком... Послушай, Агги, а не приехал ли он сюда поохотиться?

– А... да, масса Ричард, – ответил негр, смутившись. (Ричарда он боялся куда больше, чем судьи, потому что все экзекуции в поместье производил мистер Джонс.) – Да, сэр, наверное, поохотиться.

– У него что же, есть мешок и топор?

– Нет, сэр, только ружье.

– Ружье! – воскликнул Ричард, заметив смущение Агги, которое теперь уже перешло в ужас. – Ах, черт возьми! Так это он убил оленя? Я же знал, что Мармадьоку ни за что не попасть в скачущего оленя! Как было дело, Агги? Рассказывай побыстрее, и я досыта накормлю Мармадьюка его олениной. Как было дело, Агги? Этот малый подстрелил оленя, а судья его купил, да? И повез парня к себе, чтоб расплатиться?

Это открытие привело Ричарда в такой восторг, что негр немного оправился от испуга, вспомнил про чулок Санта-Клауса и, заикаясь, проговорил:

– Да ведь раны-то было две, сэр.

– Не ври, черный мошенник! – крикнул Ричард и отступил в снег, примериваясь, как бы ловчее вытянуть негра кнутом. – Говори правду, а не то я с тебя шкуру спущу.

Произнося эти слова, Ричард медленно поднимал кнутовище, пропуская кнут через пальцы левой руки, словно боцман, собирающийся пустить в ход линек. Агамемнон повернулся к нему сперва одним боком, потом другим, но не нашел успокоения ни в той ни в другой позиции и сдался. В нескольких словах он рассказал своему хозяину всю правду и принялся умолять Ричарда защитить его от гнева судьи.

– Я все улажу, Агги, я все улажу! – вскричал тот, потирая руки. – Ты только помалкивай, а уж я как-нибудь справлюсь с Мармадьоком. Вот возьму и оставлю тушу здесь, пусть он сам посылает за ней людей... Впрочем, нет, лучше я дам ему похвастать как следует, а потом изобличу его при всех. Живей, живей, Агги, не то рану этого бедняги начнут перевязывать без меня, а наш докторишка понятия не имеет о хирургии: он не сумел бы отнять ногу старику Миллигану, если бы я ее не поддерживал.

К этому времени Ричард уже опять взгромоздился на свой табурет, Агги расположился на заднем сиденье, и они тронулись в обратный путь. Лошади бежали быстрой рысью, а их неукротимый возница, то и дело оборачиваясь к Агги, продолжал болтать; недавнее недоразумение было забыто, и между ними снова установились наилучшие отношения.

– Это только доказывает, что лошадей повернул я: у человека, раненного в правое плечо, не достало бы сил сдвинуть с места этих упрямых дьяволов. Я с самого начала знал, что он тут ни при чем, но только не хотел спорить с Мармадьоком. А, ты кусаться, скотина! Но-о, лошадушки, но-о! И старик Натти здесь тоже замешан! Лучше и нарочно не придумаешь. Уж теперь Дьюку придется помалкивать про своего оленя, подумать только – выстрелил из обоих стволов, а попал всего лишь в беднягу, который прятался за сосной! Я должен помочь этому шарлатану-лекарю вынуть пулю из его раны.

Так Ричард несся вниз по склону: бубенчики не умолкали ни на минуту – и он сам тоже, пока сани не въехали в поселок. Тут уж он думал только о том, как щегольнуть своим кучерским умением перед женщинами и детьми, которые прильнули к окнам, чтобы поглазеть на судью и его дочку.

ГЛАВА V

*У Натаниэля не готова куртка,
Разлезлись башмаки у Габриэля,
А Питер не успел покрасить шляпу,
И Уолтера кинжал еще в починке,
Лишь Ралф, Адам и Грегори одеты.*
Шекспир,
«Укрощение строптивой»

У подножия горы, где кончался крутой спуск, дорога сворачивала вправо, и сани по легкому уклону покатали прямо к поселку Темплтон. Но сначала надо было пересечь бурный ручей, о котором мы уже упоминали. Через него был переброшен мост из тесаных бревен, излишне большие размеры и неуклюжесть которого свидетельствовали как о малом умении его строителей, так и об изобилии необходимого материала.

Этот узкий поток, стремительно мчавший свои темные воды по выстланному известняком ложу, был тем не менее одним из истоков Саскуиханны – могучей реки, навстречу которой даже сам Атлантический океан приветственно протянул руку¹⁶.

У моста быстрые кони мистера Джонса догнали менее резвых лошадей, запряженных в сани судьи. Обе упряжки поднялись по пологому откосу, и Элизабет очутилась среди домов поселка, столь не похожих друг на друга. Лежавшая между ними прямая дорога была неширока, хотя вокруг на сотни миль простирались леса, населенные лишь зверями и птицами. Но так решил ее отец и так хотели поселенцы. Им нравилось все, что напоминало условия жизни в Старом Свете, а городок, пусть даже лежащий среди глухих лесов, – это уже почти цивилизация. Улица (так называли эту часть дороги местные жители) была около ста футов шириной, но ее проезжая часть, особенно зимой, оказывалась гораздо более узкой. Перед домами громоздились огромные поленницы, которые, казалось, ничуть не уменьшались, а, наоборот, с каждым днем все росли, несмотря на то что в каждом окне можно было увидеть ярко пылающий очаг.

Когда сани судьи тронулись в путь после встречи с Ричардом на горе, Элизабет залюбовалась заходящим солнцем – приближаясь к горизонту, его диск становился все больше и больше, и по нему медленно поднимался темный силуэт могучей сосны, росшей на одной из западных вершин. Но его косые лучи еще озаряли восточный склон, на котором находилась сама Элизабет, играли на стволах берез, чья гладкая и сверкающая кора соперничала белизной с девственными снегами окрестных гор. Темные стволы сосен ясно рисовались даже в глубине леса, а обрывистые скалы, на чьих отвесных гранях не мог удержаться снег, празднично сверкали, словно посылая прощальную улыбку заходящему светилу. Однако сани продолжали спускаться вниз по склону, и царство дня, как заметила Элизабет, скоро осталось позади. Когда они достигли долины, яркие, хотя и не греющие лучи декабрьского солнца уже не разгоняли ее холодного сумрака. Правда, на вершинах восточных холмов еще лежали розовые отблески, но и они с каждой минутой поднимались все выше – с земли на гряды облаков; замерзшее озеро уже пряталось в синей мгле, очертания домов стали расплывчатыми и неясными, а дровосеки вскидывали на плечо свои топоры и расходились по домам, предвкушая, как весь долгий вечер они будут греться у яркого огня, для которого сами заготовили топливо. При виде саней они останавливались, снимали шапки, здороваясь с Мармадюком, и дружески кивали Ричарду. Как только путешественники проезжали, во всех домах задерживались занавески, скрывая от зимней ночи уютные комнаты с весело пылающими каминами.

¹⁶ Автор имеет в виду узкий и длинный Чесапикский залив, в который впадает река Саскуиханна.

Сани быстро свернули в распахнутые ворота «дворца», и когда Элизабет увидела в дальнем конце безлиственной аллеи из молодых тополей унылые каменные стены отцовского дома, ей показалось, что дивный вид, открывшийся ей с горы, был лишь мимолетным сном. Мармадюк еще настолько сохранял свои квакерские привычки, что не любил бубенчиков на упряжи, но от саней мчавшегося позади мистера Джонса неслся такой трезвон, что через мгновение в доме поднялась радостная суматоха.

На каменной площадке, слишком маленькой по сравнению со всем зданием, Ричард и Хайрем воздвигли четыре деревянные колонны, которые поддерживали портик – так мистер Джонс окрестил весьма невзрачное крыльцо с кровлей из дранки. К нему вели пять каменных ступеней, уложенных в такой спешке, что морозы уже успели сдвинуть их с предназначенного для них места. Но неприятные последствия холодного климата и небрежности строителей этим не ограничивались: каменная площадка осела вместе со ступеньками, и в результате деревянные колонны повисли в воздухе – между их нижними концами и каменными основаниями, на которые они прежде опирались, появился просвет в целый фут. По счастью, плотник, осуществлявший величественные замыслы зодчих, так прочно прибил крышу этого классического портика к стене дома, что она, по вышеуказанной причине лишившись поддержки колонн, в свою очередь, сама смогла поддержать эти колонны.

Однако столь досадный пробел в колоннаде Ричарда, как часто бывает, возник, казалось, только для того, чтобы доказать необыкновенную изобретательность ее творца. На помощь снова пришли преимущества смешанного ордера, и появилось второе издание каменных оснований, как говорят книготорговцы – с добавлениями и улучшениями. Они, разумеется, стали больше и были в изобилии снабжены лепными завитушками. Но ступеньки продолжали оседать, и к тому времени, когда Элизабет вернулась в отчий дом, под нижние концы колонн были вбиты плохо отесанные деревянные клинья, дабы колоннада не болталась и не оторвалась от крыши, для поддержки которой она первоначально предназначалась.

Из большой двери на крыльцо выскочило несколько служанок, а за ними появился пожилой слуга. Последний был без шапки, но, судя по всему, ради торжественного случая облачился в парадное одеяние. Его наружность и наряд были настолько необычны, что заслуживают более подробного описания. Это был человек всего пяти футов роста, коренастый, могучего телосложения – его плечи сделали бы честь любому гренадеру. Он казался даже ниже, чем был на самом деле, благодаря привычке ходить сгорбившись, трудно сказать, откуда она у него взялась, – разве оттого, что так было удобнее при ходьбе широко размахивать руками, что он постоянно и проделывал. Лицо у него было вытянутое, когда-то белая кожа давно уже стала багрово-красной; короткий курносый нос напоминал картошку; в широком рту сверкали прекрасные зубы, голубые глаза смотрели на все с глубоким презрением. Голова его составляла четверть всего его роста, а свисавшая с затылка косица достигала талии. На нем был кафтан из очень светлого сукна, с пуговицами величиной с долларовую монету, на которых были выбиты адмиралтейские якоря. Длинные, широкие полы кафтана спускались до самых лодыжек. Под кафтаном виднелись жилет и штаны из красного плюша, довольно потертые и засаленные. Ноги этого оригинала были облачены в башмаки с большими пряжками и полосатые, белые с синим, чулки.

Он называл себя уроженцем графства Корнуэлл, что на Британских островах. Детство свое он провел в краю оловянных рудников, а годы отрочества – юнгой на судне контрабандистов, плававшем между Фалмутом и островом Гернси. С этим ремеслом ему пришлось расстаться потому, что он не совсем по своей воле был завербован на службу в королевский флот. Так как никого лучше не нашлось, он был сначала слугой в кают-компании, а затем стал стюардом капитана. Он исполнял эти обязанности несколько лет и за это время научился готовить тушеную солонину с сухарями и луком и еще два-три морских блюда, а кроме того, повидал мир, – по крайней мере, так он любил утверждать. На самом деле ему довелось побывать в

одном-двух французских портах, да еще в Портсмуте, Плимуте и Диле, а в остальном он был так же мало знаком с чужими землями и со своей родиной, как если бы все это время погонял осла на одном из корнуэллских оловянных рудников. Однако, когда в 1783 году война окончилась и его уволили со службы, он объявил, что, хорошо зная весь цивилизованный мир, собирается теперь посетить дикие американские дебри. Мы не станем следовать за ним в его недолгих скитаниях, когда его увлекала та тяга к приключениям, которая иной раз заставляет лондонского щеголя отправиться в дальний путь и оглушает его ревом Ниагарского водопада, прежде чем в его ушах успеет смолкнуть шум столичных улиц. Достаточно будет сказать, что еще задолго до того, как Элизабет уехала в пансион, он уже числился среди домочадцев Мармадюка Темпла и благодаря качествам, которые будут описаны в течение нашего дальнейшего повествования, скоро был возведен мистером Джонсом в сан дворецкого. Звали этого достойного моряка Бенджамен Пенгиллен, но он так часто рассказывал чудесную историю о том, сколько времени ему довелось простоять у помпы, спасая свой корабль от гибели после одной из побед Роднея¹⁷, что вскоре приобрел звучное прозвище «Бен Помпа».

Рядом с Бенджаменом, но чуть выдвинувшись вперед, словно оберегая достоинство занимаемой ею должности, стояла пожилая женщина. Пестрое коленкоровое платье никак не шло к ее высокой тощей нескладной фигуре, резким чертам лица и его лисьему выражению. У нее не хватало многих зубов, а те, что еще сохранились, совсем пожелтели. От остренького носика по дряблой коже щек разбегались глубокие морщины. Эта особа столь усердно нюхала табак, что можно было бы подумать, будто именно он придал шафранный оттенок ее губам и подбородку; однако и вся ее физиономия была такого же цвета. Эта старая дева командовала в доме Мармадюка Темпла женской прислугой, исполняла обязанности экономки и носила величественное имя Добродетель Петтибон. Элизабет видела ее впервые в жизни, так как она появилась здесь уже после смерти миссис Темпл.

Кроме этих важных персон, встречать хозяев вышли слуги попроще. Большей частью это были негры. Кто выглядывал из парадной двери, кто бежал от дальнего угла дома, где находился вход в кухню и кладовую.

Но первыми саней достигли обитатели псарни Ричарда, и воздух наполнился переливами самых разных собачьих голосов, от басистого рыка волкодавов до капризного тьяканья терьеров. Их господин отвечал на эти шумные приветствия столь же разнообразными «гав-гав» и «р-р-р», пока собаки, возможно пристыженные тем, что их превзошли, разом не смолкли. Только могучий мастиф, на чьем медном ошейнике были выгравированы большие буквы «М. Т.», не присоединился к общему хору. Не обращая внимания на суматоху, он величественно прошествовал к судье и, после того как тот ласково похлопал его по загривку, повернулся к Элизабет, которая, радостно вскрикнув: «Воин!» – даже нагнулась и поцеловала его. Старый пес тоже узнал ее, и, когда она поднималась по обледелым ступенькам (отец и мосье Лекуа поддерживали ее под руки, чтобы она не поскользнулась), он грустно смотрел ей вслед, а едва дверь захлопнулась, улегся перед ближней конурой, словно решив, что теперь в доме появилась новая драгоценность, которую надо охранять особенно тщательно.

Элизабет прошла за своим отцом, на мгновение задержавшимся, чтобы отдать одному из слуг какое-то распоряжение, в прихожую – большой зал, тускло освещенный двумя свечами в высоких старомодных подсвечниках. Дверь захлопнулась, и все общество разом перенеслось из морозного царства зимы в область знойного лета. В середине зала высилась огромная печь, и бока ее, казалось, колыхались от жара. Дымоход был выведен в потолок прямо над ней. На печи помещался жестяной таз с водой, которая, испаряясь, поддерживала надлежащую влажность воздуха.

¹⁷ Родней Джордж (1717–1792) – английский адмирал, отличившийся во многих сражениях против французов и испанцев.

Зал был убран коврами, а стоявшая в нем мебель выглядела прочной и удобной – часть ее привезли из города, а остальное изготовили темплтонские столяры. Буфет красного дерева, инкрустированный слоновой костью и снабженный огромными медными ручками, стонал под тяжестью серебряной посуды. Рядом с ним стояло несколько больших столов, изготовленных из дикой вишни, чья древесина по цвету напоминала дорогой заморский материал буфета; они были сделаны очень просто и ничем не украшены. Напротив них располагался небольшой столик из горного клена; он был гораздо светлее, а волнистые волокна на его крышке образовывали красивый естественный узор. За ним в углу стояли тяжелые старомодные часы с медным циферблатом, в узком высоком футляре из черного ореха с побережья океана. Вдоль одной из стен тянулась огромная кушетка или, вернее, диван, имевший в длину двадцать футов; он был покрыт чехлом из светлого ситца. У противоположной стены среди другой мебели были расставлены стулья, выкрашенные в светло-желтый цвет; по их спинкам змеились тонкие черные полосы, проведенные довольно нетвердой рукой.

На стене вдали от печки висел термометр в футляре из красного дерева, соединенный с барометром; каждые полчаса, минута в минуту, Бенджамен приходил взглянуть, что показывает этот инструмент. По обе стороны печи с потолка свисали две стеклянные люстры, находившиеся на равном расстоянии между ней и входными дверями, расположенными в обоих концах зала, а к косякам многочисленных боковых дверей, ведущих во внутренние комнаты, были прикреплены золоченые канделябры.

Эти косяки, а также притолоки были выполнены весьма затейливо, и над каждой дверью находился выступ с миниатюрным пьедесталом посередине. На пьедесталах были установлены маленькие гипсовые бюсты, выкрашенные черной краской. И в форме пьедестала, и в выборе бюстов сказывался вкус мистера Джонса. Над одной дверью красовался Гомер, необыкновенно на себя похожий, утверждал Ричард, – «ведь с первого взгляда видно, что он слеп». Над другой виднелись голова и плечи гладколицего господина с остроконечной бородкой, которого он именовал Шекспиром. Над третьей высилась урна – ее очертания, по мнению Ричарда, неопровержимо доказывали, что в ее оригинале хранился прах Дидоны¹⁸. Четвертый бюст, вне всяких сомнений, был бюстом Франклина¹⁹ – это доказывалось колпаком и очками. Пятый столь же очевидно изображал исполненную спокойного благородства голову Вашингтона. Шестой же определению не поддавался и, говоря словами Ричарда, был «портретом человека в рубашке с расстегнутым воротом и с лавровым венком на голове. Моделью послужил не то Юлий Цезарь, не то доктор Фауст – и для того и для другого предположения существуют веские основания».

Стены были оклеены свинцово-серыми английскими обоями, на которых изображалась символическая фигура Британии, скорбно склоняющейся над гробницей генерала Вольфа²⁰. Сам же герой располагался в некотором отдалении от рыдающей богини, у самого края полосы, так что его правая рука переходила на следующий кусок; когда Ричард собственноручно наклеивал обои, ему почему-то ни разу не удалось добиться точного совпадения линий, и Британии приходилось оплакивать не только своего павшего любимца, но и его бесчисленные зверски ампутированные правые руки.

Тут сам хирург, совершивший эту противоестественную операцию, возвестил о своем присутствии в зале, громко щелкнув кнутом.

– Эй, Бенджамен! Бен Помпа! Так-то ты встречаешь молодую хозяйку? – крикнул он. – Простите его, кузина Элизабет. Не каждому под силу устроить все в должном порядке, но теперь, когда я вернулся, досадных недоразумений больше не будет. Зажигайте люстры, мистер

¹⁸ Д и д о н а – мифическая царица древнего города Карфагена.

¹⁹ Ф р а н к л и н Б е н д ж а м е н (1706–1790) – американский политический деятель времен Войны за независимость и крупный ученый.

²⁰ В о л ь ф Д ж е й м с (1727–1759) – английский генерал, убитый в Канаде во время войны между Англией и Францией.

Пенгиллен, зажигайте их поживей, чтобы мы могли наконец разглядеть друг друга. Ах да, Дьюк, я привез домой твоего оленя, что с ним делать, а?

– Господи боже ты мой, сквайр, – начал Бенджамен, предварительно утерев рот тыльной стороной руки, – коли бы вы об этом распорядились пораньше, все было бы по вашему желанию. Я уже свистал всех наверх и начал раздавать команде свечи, когда вы вошли в порт. Но чуть женщины слышали ваши бубенцы, они все кинулись бежать, словно их боцман линьком оглаживает; а если и есть в доме человек, который может сладить с бабами, когда они сорвутся с якоря, то зовут его не Бенджамен Помпа. Но мисс Бетси не рассердится на старика из-за каких-то свечей, или, значит, надевши длинное платье, она изменилась больше, чем корсарский бриг, который выдает себя за торговца.

Элизабет и ее отец продолжали хранить молчание. Им обоим взгрустнулось, когда они вошли в зал: они вспомнили дорогую умершую, чье присутствие еще так недавно согревало этот дом, в котором Элизабет успела прожить год, перед тем как уехать в пансион.

Но тут слуги наконец вспомнили, зачем в люстры и канделябры были вставлены свечи, и, спохватившись, бросились их зажигать; через минуту зал уже сиял огнями.

Печальное настроение нашей героини и ее отца исчезло вместе с сумраком, окутывавшим зал, и новоприбывшие начали снимать тяжелые шубы и шапки.

Пока они раздевались, Ричард обращался к слугам то с одним, то с другим замечанием и время от времени сообщал судье какое-нибудь свое соображение насчет оленя, однако весь этот монолог напоминал фортепьянный аккомпанемент, который слышат, но не слушают, и поэтому мы не станем приводить здесь его слова.

Как только Добродетель Петтибон зажгла отведенную ей порцию свечей, она не замедлила вновь подойти к Элизабет, словно для того только, чтобы принять ее шубку, на самом же деле не без завистливой досады желая получше рассмотреть ту, которой предстояло принять от нее бразды правления в доме. Экономка почувствовала даже некоторую робость, когда были сброшены плащ, шубка, теплые платки и чулки, снят большой черный капор и ее взгляду открылось личико, обрамленное блестящими черными, как вороново крыло, локонами; несмотря на нежную прелесть, оно свидетельствовало о твердом характере его обладательницы. Лоб Элизабет был безупречно чист и бел, но эта белизна не имела ничего общего с бледностью, говорящей о меланхолии или дурном здоровье. Нос ее можно было бы назвать греческим, если бы не легкая горбинка, делавшая его красоту менее классической, но зато придававшая ему гордое благородство. Рот ее был прелестен и выразителен, но, казалось, не чужд легкого женского кокетства. Он улаждал не только слух, но и зрение. К тому же Элизабет была прекрасно сложена и довольно высока – это она унаследовала от матери, так же как и цвет глаз, красиво изогнутые брови и длинные шелковистые ресницы. Но выражение лица у нее было отцовское: мягкое и привлекательное в обычное время, лицо это в минуты гнева становилось строгим и даже суровым, хотя и не утрачивало своей красоты. От отца же она унаследовала некоторую вспыльчивость.

Когда был снят последний платок, Элизабет предстала перед экономкой во всей своей прелести: голубая бархатная амазонка выгодно обрисовывала изящные линии ее стройной фигуры, на щеках цвели розы, ставшие еще более алыми от тепла, чуть увлажненные прекрасные глаза сияли. Взглянув на эту озаренную блеском свечей красавицу, Добродетель Петтибон почувствовала, что ее власти в доме пришел конец.

Тем временем разделись и все остальные. Мармадьюк оказался одетым в скромную черную пару, мосье Лекуа – в кафтан табачного цвета, под которым виднелся вышитый камзол; штаны и чулки у него были шелковые, а на башмаках красовались огромные пряжки – по общему мнению, украшавшие их алмазы были сделаны из стекла. На майоре Гартмане был небесно-голубой мундир с большими медными пуговицами, парик с косицей и сапоги; а короткую фигуру мистера Ричарда Джонса облегал щегольской сюртук бутылочного цвета, застег-

нутый на его округлом брюшке, но открытый сверху, чтобы показать жилет из красного сукна и фланелевый жилет с отделкой из зеленого бархата; снизу из-под него выглядывали штаны из оленьей кожи и высокие белые сапоги со шпорами – одна из них слегка погнулась от его недавних усилий пришпорить табурет.

Когда Элизабет сбросила верхнюю одежду, она внимательно оглядела не только слуг, но и зал, по которому она могла судить, как они относятся к своим обязанностям, – ведь теперь ей предстояло вести дом. Хотя в убранстве зала сквозило некоторое несоответствие, все здесь было добротным и чистым. Пол даже в самых темных углах был устлан коврами. Медные подсвечники, позолоченные канделябры и стеклянные люстры, быть может, не вполне отвечали требованиям вкуса и моды, но зато содержались в безупречном порядке. Они были отлично вычищены и ярко сверкали, отражая пламя бесчисленных свечей. После унылых декабрьских сумерек снаружи этот свет и тепло производили чарующее впечатление. Поэтому Элизабет не заметила кое-каких погрешностей, которые, надо признаться, там все-таки были, и смотрела вокруг себя с восхищением. Но вдруг ее взгляд остановился на человеке, который казался совсем чужим среди всех этих улыбающихся, нарядно одетых людей, собравшихся, чтобы приветствовать молодую наследницу Темплтона.

В углу возле парадной двери, никем не замечаемый, стоял молодой охотник, о котором на время все забыли. Но, если рассеянность судьи еще можно было как-то оправдать сильным волнением, охватившим его в эти минуты, оставалось непонятным, почему сам юноша не хотел напомнить о своей ране. Войдя в зал, он машинально снял шапку, открыв темные волосы, не менее пышные и блестящие, чем даже локоны Элизабет. Трудно представить себе, насколько преображал его такой на первый взгляд пустяк, как грубо сшитая лисья шапка. Если лицо молодого охотника привлекало твердостью и мужеством, то очертания его лба и головы дышали благородством. Несмотря на бедную одежду, он держался так, словно окружавшая его обстановка, считавшаяся в этих местах верхом роскоши, не только была ему привычна, но и вызывала у него некоторое пренебрежение.

Рука, державшая шапку, легко опиралась на крышку небольшого фортепьяно Элизабет, и в этом жесте не было ни деревенской неуклюжести, ни вульгарной развязности. Пальцы изящно касались инструмента, словно им это было не в новинку. Другой, вытянутой рукой он крепко сжимал ствол своего ружья, опираясь на него. Он, видимо, не замечал своей несколько вызывающей позы, так как был, казалось, охвачен чувством куда более глубоким, чем простое любопытство. Это лицо в сочетании с непритязательным костюмом так резко отличалось от оживленной группы, окружавшей хозяина дома в другом конце большого зала, что Элизабет продолжала смотреть на него удивленно и недоумевающе. Незнакомец обводил зал медленным взглядом, и брови его все больше сдвигались. Его глаза то вспыхивали гневом, то омрачались непонятной печалью. Затем он снял руку с фортепьяно и склонил на нее голову, скрыв от взора Элизабет свои выразительные, говорившие о столь многом черты.

– Дорогой отец, – сказала она, – мы совсем забыли о благородном джентльмене (Элизабет чувствовала, что не может назвать его иначе), ожидающем нашей помощи, к которому мы обязаны отнестись с самой сердечной заботой и вниманием.

При этих словах глаза всех присутствующих обратились туда, куда смотрела Элизабет, и молодой охотник, гордо откинув голову, сказал:

– Моя рана совсем не опасна, и, если не ошибаюсь, судья Темпл послал за врачом, едва мы подъехали к дому.

– Разумеется, – ответил Мармадюк. – Я не забыл, мой друг, для чего пригласил вас сюда и чем вам обязан.

– Ага! – не без злорадства воскликнул Ричард. – Наверное, ты обязан этому парню оленем, которого ты убил, братец Дьюк. Ах, Мармадюк, Мармадюк! Что за сказку ты нам рассказал про своего оленя! Вот вам за него два доллара, молодой человек, а судья Темпл по спра-

ведливости должен будет оплатить докторский счет. За свою помощь я с вас ничего не возьму, но она от этого хуже не станет. Ну, Дьюк, не огорчайся: если ты и промазал по оленю, зато тебе удалось подстрелить этого молодца сквозь сосну. Признаю себя побитым: такого выстрела я за всю свою жизнь не сделал.

– И будем надеяться, не сделаешь и впредь, – ответил судья. – Не дай тебе бог испытать то, что испытал я после него. Но вам нечего опасаться, мой юный друг, – раз вы так легко двигаете рукой, значит, рана не может быть очень серьезной.

– Не ухудшай дела, Дьюк, притворяясь, будто ты что-то понимаешь в хирургии, – прервал его мистер Джонс, презрительно махнув рукой. – Эту науку можно изучить только на практике. Как тебе известно, мой дед был врачом, но в твоих жилах нет ни капли докторской крови. А эти дарования передаются по наследству. Все мои родственники с отцовской стороны разбирались в медицине. Вот, например, мой дядя, которого убили под Брэндивайном: он умер легче всех в полку, а почему? Потому что знал, как перестать дышать. Очень немногие обладают подобным умением.

– Я ничуть не сомневаюсь, Дик, – заметил судья, отвечая улыбкой на веселую улыбку, которая, словно против воли, озарила лицо незнакомца, – что твои родственники до тонкости постигли искусство расставания с жизнью.

Ричарда эти слова нимало не смутили, и, заложив руки в карманы так, чтобы оттопырились полы, он принялся что-то насвистывать. Однако желание ответить было слишком велико, и, не выдержав этой философской позы, он с жаром воскликнул:

– Смейтесь, судья Темпл, над наследственными талантами! Смейтесь, сделайте милость! Да только в вашем поселке все до единого держатся другого мнения. Вот даже этот охотник, который ничего, кроме своих медведей, оленей да белок, не знает, даже он не поверит, если ты скажешь, что таланты и добродетели не передаются по наследству. Не правда ли, любезный?

– Пороки не передаются, в это я верю, – сухо ответил незнакомец, переводя взгляд с судьи на Элизабет.

– Сквайр прав, судья, – объявил Бенджамен, с самым многозначительным и дружеским видом кивая в сторону Ричарда. – Вот, скажем, его величество английский король вылечивает золотуху своим прикосновением²¹, а эту хворь не изгонит из больного и лучший доктор на всем флоте. Даже самому адмиралу такое не под силу. Исцелить ее могут только его величество король и повешенный. Да, сквайр прав, а то почему это седьмой сын в семье всегда становится доктором, хотя бы даже он поступил на корабль простым матросом? Вот когда мы нагнали лягушатников под командой де Грасса²², то был у нас на борту доктор, и он...

– Довольно, довольно, Бенджамен, – перебила его Элизабет, переводя взгляд с охотника на мосье Лекуа, который с любезным вниманием слушал все, что говорилось вокруг. – Ты расскажешь мне об этом и о прочих твоих замечательных приключениях как-нибудь в другой раз. А пока надо приготовить комнату, где доктор мог бы перевязать рану этого джентльмена.

– Я сам им займусь, кузина Элизабет, – с некоторым высокомерием заявил Ричард. – Молодой человек не должен страдать из-за того, что Мармадюку вздумалось упрямитесь. Иди за мной, любезный, я сам осмотрю твою рану.

– Лучше подождем врача, – холодно ответил охотник. – Он, вероятно, не замедлит с приходом.

Ричард застыл на месте, удивленно уставившись на говорящего: он не ожидал такой изысканной манеры выражаться и был очень обижен отказом. Сочтя за благо оскорбиться, он снова засунул руки в карманы, подошел к мистеру Гранту и, наклонившись к его уху, прошептал:

²¹ В средние века существовало поверье, что король своим прикосновением может излечивать золотуху, которую поэтому называли «королевской болезнью».

²² Франсуа де Грасс (1723–1788) – французский адмирал; в 1772 году потерпел поражение от английского адмирала Роднея.

– Вот помяните мое слово – скоро в поселке только и разговору будет о том, что без этого малого мы все сломали бы себе шею. Словно я не умею править лошадьми! Да вы сами, сэр, без всякого труда вернули бы их опять на дорогу. Это был сущий пустяк! Только посильней потянуть за левую вожжу и хлестнуть правую выносную. От всего сердца надеюсь, сэр, что вы не ушиблись, когда этот малый перевернул сани.

Священник не успел ответить, потому что в зал вошел местный доктор.

ГЛАВА VI

...На полках

*Склад нищенских пустых коробок, склянок,
Зеленых земляных горшков, бечев,
Семян, засохших розовых пастилок
Убого красовался напоказ.*

Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Доктор Элнатан Тодд (так звался этот врачеватель) слыл в поселке человеком необыкновенной учености и, уж во всяком случае, отличался необыкновенной фигурой. Роста в нем без башмаков было шесть футов четыре дюйма. Его руки и ноги вполне соответствовали этой внушительной цифре, но все остальные части его тела, казалось, были изготовлены по куда меньшей мерке. Плечи егогодились бы хоть для великана, в том смысле, что располагались очень высоко, но они были на редкость узки, и можно было подумать, будто длинные болтающиеся руки растут прямо из спинного хребта. Зато шея была на диво длинна, нисколько не уступая в этом отношении рукам и ногам. Ее венчала маленькая головка, напоминавшая по форме огурец; сзади она была покрыта жесткой каштановой гривой, а спереди являла миру веселую физиономию, на которой доктору никак не удавалось удержать премудрое выражение.

Он был младшим сыном в семье фермера из западной части Массачусетса, и его отец, человек весьма зажиточный, не заставлял его, как других своих сыновей, работать в поле, колоть дрова или заниматься каким-нибудь другим тяжелым трудом, который мог бы задержать его рост. Впрочем, своим освобождением от домашних обязанностей Элнатан был отчасти обязан именно тому, что так быстро рос: из-за этого он был бледен, вял и слаб, и его сердобольная маменька объявила, что он «ребенок болезненный и в фермеры не годится. Пусть зарабатывает себе хлеб чем-нибудь полегче: пойдет в адвокаты, в священники или в доктора». Правда, сперва никто толком не знал, в какой, собственно, из этих областей лежит призвание Элнатана. А пока он бил баклуши, целыми днями слонялся по усадьбе, жевал зеленые яблоки и искал щавель. Зоркий глаз заботливой родительницы скоро заметил его излюбленные занятия и узрел в них предначертанный ему жизненный путь. «Элнатану на роду написано стать доктором, это уж так. Недаром он с утра до ночи собирает какие-то травы и пробует на зуб все, что растет в саду И потом он еще сызмальства любил всякие лекарства и снадобья: приготовила я как-то своему муженьку пилюли от разлития желчи, обмазала их кленовым сахаром и оставила на столе, а Элнатан возьми да и проглоти их все, будто в мире ничего вкуснее нет. А ведь Айчебод (ее супруг) такие рожи корчит, когда их принимает, что смотреть страшно».

Это обстоятельство и решило дело. Когда Элнатану исполнилось пятнадцать лет, его изловили, словно дикого жеребенка, и остригли его косматую гриву, затем одели в новый костюм из домотканой материи, выкрашенной в настое ореховой коры, снабдили Евангелием и букварем Уэбстера и отправили учиться в школу. Будущий доктор был неглупым мальчиком, а так как он еще дома постиг, хотя и без всякой системы, начатки грамоты и арифметики, то вскоре стал первым учеником. Его маменька с восхищением услышала от учителя, что ее сын «на редкость способен и куда более развит, чем все его однокашники». Учитель считал также, что мальчик проявляет природную склонность к медицине – «ему самому не раз доводилось слышать, как тот уговаривал младших товарищей есть поменьше, а когда невежественные малыши оставались глухи к этим советам, Элнатан мужественно поглощал все присланные им из дому съестные припасы, дабы спасти их от пагубных последствий обжорства».

Вскоре после того, как его почтенный наставник столь лестно о нем отозвался, мальчика взяли из школы и пристроили в ученики к местному врачу, чьи первые шаги на поприще медицины весьма напоминали его собственные. Теперь соседи постоянно видели, как наш герой то поит у колодца докторскую лошадь, то готовит облатки со всякими лекарствами – синие, желтые и красные; но иной раз они могли видеть, как он усаживается под яблоней, держа в руке «Латинскую грамматику» Раддима, а из кармана у него торчит уголок «Акушерства» Денмена, ибо его патрон полагал, что сперва он должен постигнуть науку о том, как помогать людям появляться на этот свет, и лишь потом – как по всем правилам спроваживать их на тот.

В таких занятиях миновал год, и вдруг однажды Элнатан явился в молельню, облаченный в длиннополый сюртук из черной домотканой материи и в сапожки, сшитые, за неимением красного сафьяна, из некрашеной телячьей кожи.

Затем соседи обнаружили, что он начал бриться – правда, старой и тупой бритвой. И не прошло и трех-четырех месяцев, как в один прекрасный день несколько старух с озабоченными лицами проследовали к домику некой бедной женщины, около которого суетились испуганные соседки. Двое мальчишек вскочили на неоседланных лошадей и поскакали в разные стороны. Но, сколько ни разыскивали доктора, найти его так и не удалось. Наконец из своих дверей торжественным шагом вышел Элнатан, а впереди него трусил запыхавшийся белобрысый мальчонка. На следующий день, когда Элнатан показался на улице, как именовалась там проезжая дорога, пересекавшая поселок, все обитатели последнего не могли не заметить, что в его манерах появилась какая-то особенная степенность. На той же неделе он купил себе новую бритву, а в следующее воскресенье вошел в молельню, сжимая в руке красный шелковый платок; на лице его были написаны важность и серьезность. Вечером он явился с визитом к одному фермеру, у которого была молоденькая дочка, – к сожалению, более знатных семей в окрестностях не проживало. И, оставляя молодого человека наедине с красавицей, ее предусмотрительная мамаша поспешила назвать его «доктором Тоддом». Первый шаг был сделан, и с этих пор все стали величать Элнатана только так.

Прошел еще год, в течение которого молодой врач продолжал учиться у того же наставника и «посещал больных вместе со старым доктором», хотя было замечено, что, выходя из дому, они поворачивали в разные стороны. К концу этого срока доктор Тодд достиг совершеннолетия. Тогда он отправился в Бостон, чтобы купить лекарств и, как утверждали некоторые, пройти курс при больнице; насчет последнего нам ничего не известно, но если это и так, то он прошел его не останавливаясь и через две недели уже вернулся домой с таинственным сундуком, от которого сильно пахло серой.

В ближайшее же воскресенье отпраздновали его свадьбу, а на следующее утро он и его молодая супруга отбыли куда-то в одноконных санях, в которые были погружены вышеупомянутый сундучок, баул с бельем из домотканого полотна, оклеенный обоями ящик с привязанным к нему красным зонтиком, две новехонькие кожаные седельные сумки и шляпная картонка. Через некоторое время его друзья получили письмо, извещавшее их, что новобранцы «поселились в штате Нью-Йорк и доктор Тодд с успехом практикует в городе Темплтоне».

Если ученый английский юрист с сомнением отнесется к праву Мармадюка занимать судейское кресло, то уж, конечно, медики, окончившие Лейденский или Эдинбургский университет, от души посмеются над нашим правдивым рассказом о служении Элнатана в храме Эскулапа. Однако и им придется довольствоваться тем же самым ответом: в этих краях доктор Тодд был ничуть не хуже своих коллег, так же как Мармадюк превосходил большинство своих.

Время и большая практика преобразили нашего доктора самым чудесным образом. Он был от природы очень добр, но в то же время обладал немалым мужеством. Другими словами, он от души старался вылечить своих пациентов и, если дело шло о полезных членах общества, предпочитал не рисковать, пользуя их только самыми проверенными средствами; однако в тех случаях, когда в его руки попадал какой-нибудь бродяга без роду и племени, он принимался

испытывать на его организме действие всех лекарств, какие только хранились в кожаных сумках. К счастью, их было не так уж много, и почти все они были совершенно безвредны. Таким способом Элнатан научился неплохо разбираться в лихорадках и маляриях и мог с большим знанием дела рассуждать о перемежающихся, возвратных, ежедневных и повторяющихся приступах. В Темплтоне и окрестностях свято верили в его умение исцелять всяческие кожные заболевания, и, уж конечно, ни один младенец не появлялся на свет без его помощи. Короче говоря, доктор Тодд возводил на песке весьма внушительное здание, скрепленное цементом практики, хотя и слагавшееся из довольно хрупких материалов. Однако он время от времени перечитывал свои учебники и, будучи человеком весьма неглупым и наблюдательным, успешно согласовывал практику с теорией.

Не имея почти никакого опыта в хирургии, он остерегался делать серьезные операции, тем более что в подобных случаях пациент имеет возможность непосредственно оценить умение врача. Однако он успешно лечил мазями ожоги, уверенно разрезал десну, чтобы извлечь гнилые корни давно разрушившихся зубов, и умело зашивал раны неловких дровосеков. Но вот однажды некий поселенец, неудачно свалив дерево, раздробил себе ногу, и нашему герою пришлось решиться на операцию, потребовавшую от него напряжения всех его душевных сил. Однако в тяжкий час беды он не обманул возлагавшихся на него надежд. В новых поселениях и раньше нередко возникала нужда в ампутациях, и обычно их производил хирург-самоучка, который благодаря большой практике так набил руку, что сумел оправдать добрую славу, вначале вовсе им не заслуженную. Элнатану случилось присутствовать при двух-трех его операциях. Но на этот раз хирург оказался в отъезде, и доктору волей-неволей пришлось его заменить.

Элнатан начал операцию, испытывая невыразимое отчаяние и сомнение в своих силах, хотя ему вполне удалось сохранить самый спокойный и невозмутимый вид. Фамилия несчастного пациента была Миллиган, и именно ее упомянул Ричард, говоря о том, как он ассистировал доктору, поддерживая изуродованную ногу. Эта нога была благополучно отнята, и пациент остался в живых. Однако еще два года бедняга Миллиган жаловался, что его ногу закопали в слишком тесном ящике – недаром он по-прежнему чувствует в ней ужасную боль, от которой начинает ныть все тело. Мармадюк высказал предположение, что дело тут в нервах и сосудах, но Ричард, считавший эту ампутацию своим личным подвигом, презрительно отмел подобные оскорбительные домыслы, заявив, что ему не раз доводилось слышать о людях, которые безошибочно предсказывают дождливую погоду по тому, как у них ноют пальцы отрезанных ног. Года через два-три Миллиган совсем перестал жаловаться на боль, но его ногу все-таки выкопали и переложили в ящик попросторнее, и с тех пор, как мог подтвердить весь поселок, страдалец уже ни разу не упомянул о своих болях. Этот случай окончательно возвысил доктора Тодда в общем мнении, но, к счастью для больных, его умение росло вместе со славой.

Однако, несмотря на опытность доктора Тодда и успешную ампутацию пресловутой ноги, он все же почувствовал некоторый трепет, войдя в зал «дворца». В нем было светло как днем, его роскошная обстановка совсем не напоминала убогую мебель скромных, наскоро построенных домишек, в которых жили его обычные пациенты, а находившиеся в нем люди были так богато одеты и на лицах их было написано такое беспокойство, что крепкие нервы доктора не выдержали. От присланного за ним слуги он узнал, что речь идет о пулевом ранении, и, пока он, сжимая в руках кожаные сумки, шагал по снегу, в его голове вихрем проносились видения разорванных артерий, пробитых легких, продырявленных внутренних полостей, словно его путь вел на поле брани, а не в мирный дом судьи Темпла.

Едва ступив в зал, он увидел перед собой Элизабет, чье прекрасное лицо, обращенное к нему, было исполнено тревоги и беспокойства. Ее обшитая золотым шнуром амазонка окончательно его доконала: огромные костлявые колени доктора застучали друг о друга – так сильно он вздрогнул. Дело в том, что в рассеянии чувств он принял ее за изрешеченного пулями гене-

рала, который покинул битву в самом ее разгаре, дабы прибегнуть к его помощи. Заблуждение это, однако, рассеялось почти в то же мгновение, и мистер Тодд перевел взгляд на серьезное, благородное лицо ее отца, с него – на Ричарда, который, щелкая кнутом, прохаживался по залу, чтобы утишить раздражение, вызванное отказом охотника воспользоваться его помощью; затем он взглянул на француза, уже несколько минут державшего стул для Элизабет, которая этого совсем не замечала, затем – на майора Гартмана, невозмутимо прикуривавшего от люстры трубку с трехфутовым мундштуком, затем – на мистера Гранта, листавшего рукопись своей проповеди возле одного из канделябров, затем – на Добродетель, которая, почти-тельно сложив руки на груди, с восхищением и завистью разглядывала платье и очаровательные черты Элизабет, и, наконец, на Бенджамена, который, широко расставив ноги и уперши руки в бока своего короткого туловища, раскачивался с равнодушием человека, привыкшего к ранам и кровопролитию. Насколько доктор Тодд мог судить, все они были целы и невредимы, и у него отлегло от сердца. Но не успел он вторично оглядеть зал, как судья подошел к нему и, ласково пожав его руку, сказал:

– Добро пожаловать, любезный сэр, добро пожаловать. Мы ждем вас с нетерпением. Этого молодого человека я сегодня вечером имел несчастье ранить, стреляя в оленя. Он нуждается в вашей помощи...

– Зачем ты говоришь, что стрелял в оленя? – немедленно перебил его Ричард. – Как же он сможет лечить, если не будет точно знать всех обстоятельств дела? Вот как всегда люди думают, что могут безнаказанно обманывать врача, словно обыкновенного человека.

– Но я же стрелял в оленя, – с улыбкой возразил судья, – и, может быть, даже в него попал. Но, как бы то ни было, молодого человека ранил я. Я рассчитываю на ваше умение, доктор, а вы можете рассчитывать на мой кошелек.

– И то и другое выше всех похвал, – вмешался мосье Лекуа, отвешивая изящный поклон судье и врачу.

– Благодарю вас, мосье Лекуа, – сказал судья. – Однако наш молодой друг страдает. Добродетель, не откажите в любезности принести полотна для корпии и повязок.

Эти слова прекратили обмен комплиментами, и врач наконец поглядел на своего пациента. Во время их разговора молодой охотник успел сбросить куртку и остался в простой светлой рубашке, очевидно сшитой совсем недавно. Он уже поднес руку к пуговицам, собираясь снять и ее, но вдруг остановился и взглянул на Элизабет, которая по-прежнему смотрела на него сочувственным взглядом. От волнения она даже не заметила, что он начал раздеваться. Щеки юноши слегка порозовели.

– Боюсь, что вид крови может испугать мисс Темпл. Мне лучше уйти для перевязки в другую комнату.

– Ни в коем случае, – заявил доктор Тодд, который уже понял, что его пригласили лечить человека бедного и незначительного, и совсем оправился от испуга. – Яркий свет этих свечей чрезвычайно удобен для операции, а у нас, ученых людей, редко бывает хорошее зрение.

С этими словами Элнатан водрузил на нос большие очки в железной оправе и тут же привычным движением спустил их к самому его курносому кончику – если они и не помогали ему видеть, то уж, во всяком случае, не мешали, ибо его серые глазки весело поблескивали над их верхним краем, словно звезды над завистливой грядой облаков. Все это прошло совершенно незамеченным, и только Добродетель не преминула сказать Бенджамену:

– Доктор Тодд прелесть как хорош, настоящий красавчик! И до чего же ему идут очки! Вот уж не знала, что они так украшают лицо! Я тоже заведу себе пару.

В эту минуту Элизабет, которую слова незнакомца заставили очнуться от задумчивости и густо покраснеть, поманила за собой молоденькую горничную в поспешно вышла из комнаты, как приличествовало благовоспитанной девице.

Теперь интерес присутствующих сосредоточился на враче и раненом, и все столпились вокруг них. Только майор Гартман остался сидеть в своем кресле; он пускал огромные клубы дыма и то поднимал глаза к потолку, словно размышляя о бренности всего земного, то с некоторым сочувствием обращал их на молодого охотника.

К этому времени Элнатан, впервые в жизни так близко видевший пулевую рану, начал готовиться к операции со всей торжественностью и тщанием, достойными этого случая. Бенджамен принес старую рубаху и вручил ее эскулапу, который немедленно и с большой ловкостью разорвал ее на множество аккуратных бинтов.

После этого доктор Тодд внимательно осмотрел плоды своего труда, выбрал одну полоску, передал ее мистеру Джонсу и с полной серьезностью сказал:

– Вы, сквайр Джонс, имеете в этом деле немалый опыт. Не согласитесь ли вы нащипать корпии? Как вы знаете, дорогой сэр, она должна быть тонкой и мягкой, а кроме того, последите, чтобы в нее не попали хлопчатобумажные нитки, которыми сшита рубаха. От них рана может загноиться.

Ричард бросил на судью взгляд, который яснее слов говорил: «Вот видишь, этот костоправ не может без меня и шагу ступить», а затем разложил тряпицу на колене и усердно принялся за работу.

На столе один за другим появлялись пузырьки, баночки с мазями и различные хирургические инструменты. Доставая всякие щипчики и ножички из маленькой сафьяновой шкатулки, доктор Тодд по очереди подносил их поближе к люстре и заботливо осматривал со всех сторон. Красный шелковый платок то и дело скользил по сверкающей стали, смахивая малейшие пылинки – а вдруг они помешают столь тонкой операции? Когда довольно скудное содержимое сафьяновой шкатулки истощилось, Элнатан раскрыл свои сумки и извлек из них флаконы, переливающиеся всеми цветами радуги. Расставив их в надлежащем порядке около зловещих пилкок, ножей и ножниц, он выпрямился во весь свой огромный рост, заложил руки за спину, словно для равновесия, и огляделся, очевидно желая узнать, какое впечатление эта коллекция произвела на зрителей.

– Шестное слово, доктор, – сказал майор Гартман, плутовски подмигивая, но в остальном сохраняя на лице полную невозмутимость, – ошень красивые у вас инструменты, а эти лекарства так плещут, что они, наферное, полезнее для глаз, чем тля шелутка.

Элнатан кашлянул – возможно, это был тот звук, которым, как говорят, подбадривают себя трусы, а может быть, он действительно прочищал горло, перед тем как заговорить. Последнее, во всяком случае, ему удалось, и, повернувшись к старику немцу, он сказал:

– Верно подмечено, майор Гартман, верно подмечено, сэр. Осмотрительный врач всегда старается сделать свои лекарства приятными для глаза, хотя они не всегда приятны для желудка. Важнейшая часть нашего искусства, сэр, – тут его голос зазвучал очень внушительно, – состоит в том, чтобы примирить пациента с неприятными на вкус средствами, к которым мы прибегаем для его же пользы.

– Вот уж верно-то! Доктор Тодд правду говорит, – вставила Добродетель. – И в писании то же сказано. Библия учит нас, что сладость для уст может обернуться горечью для внутренностей...

– Да-да, это так, – нетерпеливо перебил ее судья. – Но этого молодого человека незачем обманывать для его же пользы. Я вижу по его глазам, что более всего ему неприятно промедление.

Незнакомец без посторонней помощи обнажил плечо, открыв небольшую ранку, оставленную дробинкой. Сильный мороз остановил кровотечение, и доктор Тодд, исподтишка взглянув на нее, пришел к заключению, что дело оказалось куда проще, чем он предполагал. Ободрившись, он подошел к пациенту, намереваясь с помощью зонда нащупать свинцовый шарик.

Впоследствии Добродетель частенько рассказывала все подробности знаменитой операции и, доходя в своем описании до этой минуты, обыкновенно говорила: «... и тут доктор вынимает из шкатулки длинную такую штуковину вроде вязальной спицы с пуговкой на конце да как воткнет ее в рану а у молодого человека так все лицо и перекошилось! И как это я тогда чувств не лишилась, сама не знаю. Я *уж* совсем обмерла, да только тут доктор проткнул ему плечо насквозь и вытолкнул пулю с другой стороны. Вот так доктор Тодд вылечил этого молодого человека от пули, и очень просто все было, ну, как я занозы иголкой выковыриваю».

Таковы были воспоминания Добродетели об операции. Этого же мнения, вероятно, придерживались и другие восторженные поклонники врачебного искусства Элнатана, но на самом деле произошло все совсем иначе.

Когда медик вознамерился ввести в рану описанный Добродетелью инструмент, незнакомец решительно этому воспротивился, сказав с легким презрением:

– Мне кажется, сэр, что зондировать рану незачем. Дробина не задела кости и засела под кожей с другой стороны. Извлечь ее, я полагаю, не составит особого труда.

– Как вам угодно, – ответил доктор Тодд, откладывая зонд с таким видом, словно взял его в руки просто на всякий случай; затем, повернувшись к Ричарду, он внимательно оглядел корпию и сказал:

– Превосходно нащипано, сквайр Джонс! Лучшей корпии мне еще не доводилось видеть. Не откажите поддержать руку пациента, пока я буду производить иссечение пули. Готов биться об заклад, что никто тут не смог бы нащипать корпию и вполтину так хорошо, как сквайр Джонс.

– Это наследственный талант, – отозвался Ричард и поспешно встал, чтобы оказать просимую услугу. – Мой отец, а до него мой дед славились своими познаниями в хирургии. Они бы не стали гордиться всякими пустяками, не то что Мармадьок, когда он вправил бедро человеку, упавшему с лошади, – это произошло осенью, перед тем как вы сюда приехали, доктор. Нет, это были люди, которые прилежно занимались наукой и потратили полжизни на постижение разных тонкостей. Хотя, если уж на то пошло, мой дед обучался медицине в университете и был лучшим врачом во всей колонии... то есть в тех краях, где он жил.

– Так устроен мир, сквайр! – воскликнул Бенджамен. – Коли человек хочет стать заправским офицером и разгуливать себе по квартердеку²³, он туда через иллюминатор кают-компаний не пролезет. Для того чтобы попасть на ют, надо начинать с бака, и пусть в самой что ни на есть последней должности, вроде как я – из простого марсового стал хранителем капитанских ключей.

– Бенджамен попал в самую точку, – подхватил Ричард. – Полагаю, что на множестве кораблей, на которых он служил, ему не раз доводилось видеть, как извлекаются пули из ран. Ему можно доверить таз, он крови не боится...

– Что правда, то правда, сквайр, – перебил его бывший стюард. – Немало я на своем веку пуль повидал, что доктора выковыривали, – и круглых, и с ободком, и стрелчатых. Да что далеко ходить – я был в шлюпке у самого борта «Громобоя», когда из бедра его капитана, земляка мусью Леквы, вытащили двенадцатифунтовое ядро.

– Неужели можно извлечь двенадцатифунтовое ядро из человеческого бедра? – в простоте душевной удивился мистер Грант, роняя проповедь, в которую он было снова углубился, и сдвигая очки на лоб.

– Еще как можно! – ответил Бенджамен, победоносно оглядываясь вокруг. – Да что там двенадцатифунтовое ядро! Из человеческого тела можно вытащить ядро хоть в двадцать

²³ К в а р т е р д е к – средняя часть палубы, б а к – нос корабля, ют – корма. Помещения команды располагаются на баке, а офицерские каюты – на юте. На квартердеке парусного корабля находится капитан или вахтенный начальник.

четыре фунта, лишь бы доктор знал, как за него взяться. Вот спросите сквайра Джонса, он все книги прочел, так спросите его, не попадалась ли ему в них страничка, где все это описано.

– Разумеется, делались операции и куда более серьезные, – объявил Ричард. – В энциклопедии упоминаются совсем уж невероятные случаи, как вам, вероятно, известно, доктор Тодд.

– Конечно, конечно. В энциклопедиях рассказывается много невероятных историй, – ответил Элнатан. – Хотя, должен признаться, на моих глазах из ран никогда не вытаскивали ничего крупнее мушкетной пули.

Говоря это, доктор разрезал кожу на плече молодого охотника, обнажив дробину. Затем он взял сверкающие пулевые щипцы и уже поднес их к ране, как вдруг его пациент дернул плечом и дробина выпала сама. Тут длинные руки сослужили медику хорошую службу: одной он на лету подхватил злосчастную дробину, а другой сделал какое-то замысловатое движение, которое должно было внушить зрителям, что именно она произвела долгожданную операцию. Если у кого-нибудь и оставались в этом сомнения, Ричард тут же разрешил их, воскликнув:

– Превосходно сделано, доктор! Мне еще не приходилось видеть, чтобы пулю извлекали с такой ловкостью. Думаю, и Бенджамен скажет то же.

– Ну как же, – отозвался Бенджамен. – Сделано по-флотски и в аккурате. Теперь доктору останется только наклеить по пластырю на дырки, и малый выдержит любой шторм, какой ни разразится в здешних горах.

– Благодарю вас, сэр, за то, что вы сделали, – сдержанно сказал юноша, – но вот тот, кто позаботится обо мне, избавив вас, господа, от дальнейших хлопот.

Все в удивлении обернулись и увидели на пороге входной двери человека, которого в здешних краях звали «индейцем Джоном».

ГЛАВА VII

*И от истоков Саскуиханны,
Когда пора зимы настала,
Пришел лесов владыка старый,
Закутав плечи в одеяло.*

**Филипп Френко,
«Силы природы»**

До того как европейцы, именовавшие себя христианами, начали присваивать Американский континент, сгоняя его коренных жителей с их исконных земель, те области, где ныне расположены штаты Новой Англии, вплоть до Аллеганских гор, принадлежали двум великим индейским союзам, в которые входили бесчисленные племена. Между союзами существовала давняя вражда, опиравшаяся на различие языков и все усиливавшаяся благодаря постоянным кровавым войнам; замирение произошло лишь с приходом белых, когда многие племена не только лишились политической независимости, но и были даже обречены влачить полуголодное существование, несмотря на то, что, как известно, потребности индейца очень скромны.

Один из этих союзов составляли Пять, а впоследствии, Шесть племен и их союзники, а другой – ленни-ленапы, или делавары, и многочисленные могущественные племена, родственные им и признававшие их своими прародителями. Англичане, а затем и американцы называли первых ирокезами, Союзом шести племен, а иногда мингами. Противники же именовали их менгве или макве. Первоначально это были пять племен (или, как предпочитали говорить их союзники, – наций): мохоки, онайды, онондаги, кейюги и сенеки, – если перечислять их согласно степени влияния, которым они пользовались в союзе. Через сто лет после возникновения союза в него было допущено шестое племя – тускароры.

К ленни-ленапам, которых белые называли делаварами, потому что они зажигали костры большого совета на берегах реки Делавар, примкнули племена могижан и нентигоев. Эти последние жили у Чесапикского залива, а могижане обитали между рекой Гудзоном и океанским побережьем, то есть там, где теперь находится Новая Англия. Разумеется, эти племена были первыми, которых европейцы согнали с их земель и оттеснили в глубь страны.

Вооруженные стычки, результатом которых явилось изгнание могижан, получили в истории Соединенных Штатов название «Войны короля Филиппа» – по прозвищу верховного вождя этого племени. Уильям Пенн, или Микуон, как именовали его индейцы, предпочитал мирную политику, но тем не менее точно так же сумел лишить нентигоев земли, затратив на это гораздо меньше усилий.

Несколько могижанских семейств после долгих блужданий пришли искать приюта у костров племени делаваров, от которых они вели свое происхождение. К этому времени делаварам пришлось согласиться на то, чтобы их старинные враги ирокезы назвали их «женщинами». Не добившись первенства с помощью войны, ирокезы прибегли к хитрости и предложили делаварам заниматься мирным трудом, доверив свою защиту «мужчинам», то есть воинственным Шести племенам. Такое положение сохранялось до провозглашения независимости колоний, когда ленни-ленапы смело разорвали этот договор, заявив, что они снова стали «мужчинами».

Однако внутри индейских племен господствует полная демократия, и всегда находились воины, не желавшие подчиняться решению вождей. А когда к делаварам, отчаявшись прогнать белых со своей земли, пришли искать приюта знаменитые воины могижан, они принесли с собой свои обычаи и нравы, так их прославившие. Им удалось пробудить в делаварах угасший боевой дух, и они не раз водили небольшие отряды против врагов, как старинных, так и новых.

Среди этих могикан выделялся один род, знаменитый своей доблестью и всеми другими качествами, которые делают индейца героем в глазах его соплеменников. Но война, время, голод и болезни безжалостно истребляли его членов, и теперь в дверях зала Мармадьюка Темпла стоял последний отпрыск этого великого рода. Он уже давно жил среди белых, помогал им во время войн, которые они вели, и, так как в те дни, когда его услуги были им особенно нужны, они окружили его большим почетом, он даже крестился, получив имя Джон. Во время последней войны он потерял всех своих близких и друзей, и, когда его уцелевшие соплеменники погасили свои костры в долине Делаваара, он не последовал за ними, твердо решив, что его кости будут покоиться в той земле, где так долго жили его предки, не зная над собой никакого ярма.

Однако в горы, окружающие Темплтон, он пришел совсем недавно. Больше всех привлекал его здесь Кожаный Чулок, но это никого не удивляло, потому что старый охотник вел жизнь, немногим отличную от первобытной жизни индейцев. Они поселились в одной хижине, ели одну и ту же пищу, посвящали свое время одним и тем же занятиям.

Мы уже упоминали, что старому вождю дали при крещении имя Джон, но, разговаривая с Натти на языке делаваров, он называл себя Чингачгук, что в переводе означает «Великий Змей». Это имя он заслужил в юности своими военными подвигами и доблестью, но, когда время избородило его лоб морщинами и к нему пришло одиночество, последние делавары, его сородичи, которые еще не покинули верховьев своей реки, стали называть его могиканином. Может быть, это печальное имя будило в груди обитателя лесов горькие воспоминания о его погибшем племени, но только он почти никогда не называл себя так, за исключением особо торжественных случаев; однако поселенцы, по обычаю белых, соединили имя, данное ему при крещении, с туземным именем и называли его Джоном Могиканином или еще проще – индейцем Джоном.

Долго прожив среди белых, могиканин усвоил некоторые их обычаи, но сохранил при этом большинство своих прежних привычек. Несмотря на мороз, голова его была непокрыта, и прямые черные волосы падали на лоб и щеки, скрывая их, словно густая вуаль. Тем, кто знал, кем он был прежде и чем стал теперь, иной раз казалось, будто он нарочно прячет за этой траурной завесой горе и стыд гордой души, тоску по утраченной славе. Лоб его был высок и благороден, а ноздри прямого римского носа и на семидесятом году жизни раздувались и трепетали так же, как в юности. Рот у него был широкий, но тонкие губы, которые почти всегда оставались крепко сжатыми, были очень выразительны и свидетельствовали о сильной воле. Когда они приоткрывались, за ними сверкали белые и ровные зубы. Подбородок у него был тяжелый, но округлый, а скулы сильно развиты – особенность, характерная для всей краснокожей расы. Глаза его были невелики, но, когда он, остановившись на пороге, обвел взглядом ярко освещенную прихожую, в них вспыхнуло черное пламя.

Заметив, что люди, окружающие молодого охотника, смотрят на него, могиканин сбросил с плеч одеяло, прихваченное на талии поясом из березовой коры, так что оно прикрыло гетры из недубленой оленьей шкуры.

Он медленно прошел по большому залу, и зрители невольно залюбовались величественной грацией его неторопливой походки. Плечи и грудь его были обнажены, и среди старых боевых рубцов поблескивала подвешенная на ремешке серебряная медаль с профилем Вашингтона, которую он постоянно носил на шее. Плечи его были широки и сильны, но красивым тонким рукам не хватало мускулов, которые может породить только тяжелый труд фермера или кузнеца. Кроме медали, на нем не было никаких украшений, хотя сильно оттянутые ушные мочки и пробитые в них отверстия говорили о том, что раньше он ими не пренебрегал. В руке он держал корзинку из белой ясеновой коры, покрытую прихотливым узором из черных и красных полосок.

Когда этот сын лесов приблизился к маленькому обществу, все расступились, пропуская его к молодому охотнику. Индеец несколько минут молча разглядывал рану на плече юноши, а потом устремил гневный взгляд на лицо судьи. Тот был немало этим удивлен, так как привык к кротости и смирению старика. Но он все-таки протянул ему руку со словами:

– Добро пожаловать, Джон. Этот молодой человек, по-видимому, очень верит в твое искусство и, дожидаясь тебя, не позволил даже уважаемому доктору Тодду перевязать свою рану.

Тут наконец индеец прервал свое молчание. Он говорил на языке белых довольно грамотно, но глухо и гортанно.

– Дети Микуона не любят крови, и все же Молодого Орла поразила рука, которой не подобает творить зло.

– Могиканин Джон! – воскликнул судья. – Неужто ты думаешь, что я могу по доброй воле пролить человеческую кровь? Постыдись, Джон! Ведь ты же христианин и не должен давать волю таким дурным мыслям.

– Злой дух иной раз вселяется и в самые добрые сердца, – возразил индеец. – Но мой брат говорит правду: его рука никогда не проливали человеческой крови. Даже в те дни, когда дети Великого английского отца убивали его сородичей.

– Ужели, Джон, – проникновенно сказал мистер Грант, – ты забыл заповедь спасителя: «Не судите, да не судимы будете»? Зачем бы стал судья Темпл стрелять в этого юношу, которого он совсем не знает и который не причинял ему никаких обид?

Джон почтительно выслушал священника, потом протянул руку и торжественно сказал:

– Он не виноват. Мой брат не хотел этого сделать.

Мармадюк пожал протянутую ему руку с улыбкой, показывавшей, что он не сердится на индейца за его подозрения и только удивляется им. Все это время раненый переводил взгляд со своего краснокожего друга на судью, и на его лице были написаны живейший интерес и недоумение.

Обменявшись рукопожатием с судьей, индеец немедленно принялся за дело, ради которого пришел сюда. Доктор Тодд нисколько не был обижен этим посягательством на его права. Он охотно уступил свое место новому врачу с таким видом, словно был только рад подчиниться капризу пациента, поскольку самая трудная и опасная для его здоровья часть дела осталась теперь позади, а наложить повязку может даже малый ребенок. Он не преминул шепотом сообщить об этом мосье Лекуа:

– Хорошо, что пуля была извлечена до прихода индейца, а перевязать рану сумеет любая старуха. Этот юноша, как я слышал, живет в хижине Натти Бампо и Джона, а мы, врачи, должны считаться с прихотями пациента – конечно, соблюдая меру, мусью, соблюдая меру.

– Certainement²⁴, – ответил француз. – Вы есть превосходный врач, мистер Тодд. Я соглашусь: каждая старая дама сумела бы закончить то, что вы так искусно начали.

Ричард, в глубине души питавший большое почтение к познаниям индейца во всем, что касалось ран, и на этот раз, как обычно, не пожелал оставаться скромным зрителем. Подойдя к нему, он сказал:

– Саго, саго, могиканин! Саго, мой добрый друг! Я рад, что ты пришел. Самое лучшее – чтобы пулю вынимал ученый врач вроде доктора Тодда, а рану лечил туземец. Помнишь, Джон, как мы с тобой вправляли мизинец Натти Бампо, который он сломал, когда полез за убитой куропаткой на скалу и сорвался? Я до сих пор не знаю, кто убил эту куропатку, Натти или я. Он, правда, выстрелил первым, и птица полетела вниз, но потом выровнялась, и тут выстрелил я. Конечно, это была моя добыча, да только Натти заспорил: дескать, рана для дробы слишком велика, а он, видите ли, стрелял пулей! А ведь мое ружье не разбрасывает дробы, и

²⁴ Разумеется (франц.).

когда я стрелял по мишеням, то не раз оставалась одна большая дыра, точь-в-точь как от пули. Хочешь, я буду тебе помогать, Джон? Ты ведь знаешь, что я разбираюсь в таких вещах.

Индеец терпеливо выслушал эту речь, и когда Ричард наконец умолк, протянул ему корзинку с целебными травами, жестом пояснив, что он может ее поддержать. Такое поручение вполне удовлетворило мистера Джонса, и впоследствии, вспоминая это происшествие, он всегда говорил: «Я помогал доктору Тодду вытаскивать пулю, а индеец Джон помогал мне перевязывать рану». От индейца Джона пациенту пришлось вытерпеть куда меньше, чем от доктора Тодда. Собственно говоря, терпеть ему вообще ничего не пришлось. Повязка была наложена очень быстро, а целебное средство состояло из толченой коры, смоченной соком каких-то лесных растений.

Врачеватели у лесных индейцев бывали двух родов: одни полагались на вмешательство сверхъестественных сил, и соплеменники почитали таких знахарей гораздо больше, чем они того заслуживали; другие же действительно умели лечить многие болезни, а особенно, как выразился Нагги, «всякие раны и переломы».

Пока Джон и Ричард перевязывали рану, Элнатан жадно разглядывал содержимое ясеневой корзинки, которую ему передал мистер Джонс, решивший, что гораздо интереснее будет поддержать конец повязки. Через несколько минут доктор без всяких церемоний уже засовывал в карман кусочки древесины и коры. Он, вероятно, не стал бы объяснять причины своего поступка, если бы не заметил, что на него устремлены синие глаза Мармадюка. Тогда он счел за благо шепнуть ему:

– Нельзя отрицать, судья Темпл, что эти индейцы обладают кое-какими познаниями в медицине. Они передают их из поколения в поколение. Например, рак и водобоязнь они лечат весьма искусно. Я собираюсь сделать дома анализ этой коры. Она, конечно, не принесет ни малейшей пользы ране молодого человека, но зато может оказаться неплохим средством от зубной боли, ревматизма или еще чего-нибудь в том же роде. Не следует пренебрегать никакими полезными сведениями, даже если получаешь их от краснокожего.

Такое свободомыслие сослужило доктору Тодду неплохую службу: именно оно в соединении с обширной практикой помогло ему набраться знаний, которые со временем превратили его в приличного врача. Однако похищенные им из корзинки образцы он подверг анализу отнюдь не по правилам химии – вместо того чтобы исследовать их составные части, он сложил их все воедино и таким образом обнаружил, целебными свойствами какого именно дерева пользовался индеец.

Лет десять спустя, когда в поселки среди этих диких гор пришла, а вернее сказать, ворвалась цивилизация со всеми ее тонкостями, Элнатана вызвали к человеку, раненному на дуэли, и он приложил к его ране мазь, чей запах сильно напоминал запах дерева, из которого готовил свое целебное снадобье индеец. А еще через десять лет, когда между Англией и Соединенными Штатами вновь вспыхнула война и из западной части штата Нью-Йорк уходили воевать тысячи добровольцев, Элнатан, прославившийся двумя вышеупомянутыми операциями, решил отправиться на поле брани с бригадой милиции в качестве... хирурга!

Когда могикинин наложил пластырь из коры, он охотно уступил Ричарду иголку с ниткой, которой следовало зашить повязку, так как этим инструментом индейцы пользоваться не умели. Отступив на шаг, он молча и серьезно ждал, пока Ричард доканчивал начатое им дело.

– Передайте мне ножницы! – крикнул мистер Джонс, сделав последний стежок и завязав последний узел на втором слое полотняных повязок. – Дайте скорее ножницы! Если не обрезать эту нитку, она может попасть под пластырь и загноить рану. Вот посмотри, Джон, я положил между двумя повязками корпию, которую я нащипал. Толченая кора, конечно, очень полезна, но без корпии рану можно застудить. А лучше этой корпии не найти, я сам ее щипал и всегда буду щипать для любого жителя поселка. Тут уж за мной никому не угнаться, потому что мой дедушка был доктором, а отец от природы разобрался в медицине.

– Вот вам ножницы, сквайр, – сказала Добродетель, извлекая из кармана темно-зеленой нижней юбки огромные портновские ножницы, на вид совсем тупые. – Подумать только! Да вы зашили повязки не хуже иной женщины!

– «Не хуже женщины»! – негодуяще повторил Ричард. – Да что женщины понимают в подобных делах? И ты тому примером. Разве можно орудовать возле раны эдакими тесаками? Доктор Тодд, будьте добры, одолжите мне ножницы из вашей шкатулки... Ну что ж, любезный, я думаю, тебе опасаться нечего. Дробина была извлечена превосходнейшим образом, хотя, разумеется, не мне это говорить, поскольку я сам принимал участие в операции; ну, а повязка не оставляет желать ничего лучшего. Ты скоро поправишься, если рана не воспалится из-за того, что ты тогда дернул моих серых под уздцы. Но будем надеяться, что все обойдется. Ты, наверное, не привык обращаться с лошадьми. Но я извиняю твою горячность, потому что намерения у тебя были, конечно, самые добрые. Да, теперь тебе нечего опасаться.

– В таком случае, господа, – сказал незнакомец, вставая и начиная одеваться, – мне незачем более злоупотреблять вашим терпением и временем. Нам остается решить только одно, судья Темпл: кому из нас принадлежит олень.

– Я признаю, что он ваш, – ответил Мармадюк. – И мой долг не исчерпывается одной только олениной. Но приходите утром, и мы договоримся и об этом и обо всем другом... Элизабет! – обратился он к дочери, которая, узнав, что перевязка окончена, вернулась в зал. – Элизабет, распорядись, чтобы этого юношу накормили, прежде чем мы поедем в церковь. И пусть Агги запряжет сани, чтобы отвезти его к другу, о котором он так беспокоился.

– Простите, сэр, но я не могу уехать совсем без оленины, – ответил юноша, видимо стараясь побороть какое-то сильное чувство. – Мясо нужно мне самому.

– О, мы не станем жадничать, – вмешался Ричард. – Утром судья заплатит тебе за оленя целиком. Добродетель! Последи, чтобы малому отдали все мясо, кроме седла. На мой взгляд, любезный, ты можешь считать, что тебе повезло: пуля тебя не покалечила, перевязку тебе сделали превосходную – нигде больше в наших краях, ни даже в филадельфийской больнице, тебя бы так не перевязали; оленя ты продал по самой высокой цене и все же оставил себе почти все мясо, да еще и шкуру в придачу. Добродетель, скажи Тому, чтобы он и шкуру ему отдал. Ты принеси ее мне завтра утром, и я, пожалуй, заплачу тебе за нее полдоллара или около того. Мне нужна как раз такая шкура, чтобы покрыть седельную подушку, которую я делаю для кухни Бесс.

– Благодарю вас, сэр, за вашу щедрость, и, разумеется, я рад, что этот злосчастный выстрел не причинил мне большого вреда, – ответил незнакомец, – но вы собираетесь оставить себе именно ту часть туши, которая нужна мне самому. Седла я не отдам.

– «Не отдам»! – воскликнул Ричард. – Такой ответ проглотить труднее, чем олени рога!

– Да, не отдам, – ответил юноша и гордо обвел глазами присутствующих, словно бросая им вызов, но, встретив изумленный взгляд Элизабет, продолжал более мягко, – То есть если человек имеет право на убитую им самим дичь и если закон охраняет это право.

– Да, конечно, – сказал судья Темпл огорченно и с некоторым изумлением. – Бенджамен, последи, чтобы оленя никто не трогал, и уложи его в сани целиком. И пусть этого юношу отвезут к хижине Кожаного Чулка. Но, молодой человек, у вас, наверное, есть имя? И я еще увижу вас, чтобы возместить причиненный вам вред?

– Меня зовут Эдвардс, – ответил охотник. – Оливер Эдвардс. А увидеть меня нетрудно, потому что я живу поблизости и не боюсь показываться на людях – я ведь никому не причинил зла.

– Это мы причинили вам зло, сэр, – возразила Элизабет. – И моему отцу будет очень тяжело, если вы откажетесь от нашей помощи. Он с нетерпением будет ждать вас утром.

Молодой человек устремил на прекрасную просительницу столь пристальный взор, что она смущенно покраснела. Опомнившись, он опустил голову и, глядя на ковер, сказал:

– Хорошо, я приду утром к судье Темплу и согласен, чтобы он одолжил мне сани в знак примирения.

– Примирения? – переспросил судья. – Я ранил вас не по злобе, молодой человек, так неужели в вашем сердце подобная случайность могла породить вражду?

– Отпусти нам долги наши, яко же мы отпускаем должникам нашим, – вмешался мистер Грант. – Так учил нас Иисус, и нам следует смиренно хранить в сердце эти золотые слова.

Незнакомец на мгновение о чем-то задумался, затем обвел зал растерянным и гневным взглядом, почтительно поклонился священнику и, ни с кем более не прощаясь, вышел таким решительным шагом, что никто не посмел его остановить.

– Странно, что столь молодой человек может оказаться таким злопамятным, – сказал Мармадюк, когда наружная дверь закрылась за незнакомцем. – Надо полагать, у него сильно болит рана, вот он и сердится и считает себя обиженным. Я думаю, утром он будет мягче и сговорчивее.

Элизабет, к которой были обращены его слова, ничего не ответила. Она молча прохаживалась по залу, разглядывая прихотливый узор английского ковра, устилавшего пол. Зато Ричард, громко шелкнув кнутом, объявил:

– Конечно, Дьюк, ты сам решаешь, как тебе поступать, но на твоём месте я не отдал бы седла этому молодцу – пусть-ка он попробовал бы судиться со мной! Разве здешние горы не принадлежат тебе так же, как и долины? Какое право имеет этот малый – да и Кожанный Чулок тоже, если уж на то пошло, – стрелять в твоих лесах дичь без твоего разрешения? Я сам видел, как один фермер в Пенсильвании приказал охотнику убираться с его земли – и без всяких церемоний, вот как я велел бы Бенджамену подбросить дров в камин. Да, кстати, Бенджамен, не посмотреть ли тебе на градусник? Ну, а если на это есть право у человека, владеющего какой-то сотней акров, то какую же власть имеет собственник шестидесяти тысяч акров, а считая с последними покупками, так и ста тысяч? Вот у могиканина еще могут быть какие-то права, потому что его племя здесь жило искони, но с таким ружьишком все равно много не настреляешь. А как у вас во Франции, мосье Лекуа? Вы тоже позволяете всякому сброду шататься по вашим лесам, стреляя дичь, так что хозяину ничего не достается – хоть на охоту не ходи?

– Bah, diable!²⁵ Нет, мосье Дик, – ответил француз. – У нас во Франции мы никому не даем свободы, кроме дам.

– Ну да, женщинам – это я знаю, – сказал Ричард. – Таков ваш салический закон²⁶. Я ведь, сэр, много прочел книг и о Франции, и об Англии, о Греции, и о Риме. Но, будь я на месте Дьюка, я завтра же повесил бы доски с объявлением: «Запрещаю посторонним стрелять дичь или как-нибудь иначе браконьерствовать в моих лесах». Да я за один час могу состряпать такую надпись, что никто больше туда носа не сунет!

– Рихарт! – сказал майор Гартман, невозмутимо выбивая пепел из трубки в стоявшую рядом с ним плевательницу. – Слушай меня. Я семьдесят пять лет прошивал в этих лесах и на Мохоке. Лютше тебе связаться с шортом, только не с этими охотниками. Они допывают себе пропитание рушьем, а пуля сильнее закона.

– Да ведь Мармадюк судья! – негодуяще воскликнул Ричард. – Какой толк быть судьей или выбирать судью, если всякий, кто захочет, будет нарушать закон? Черт бы побрал этого молодца! Пожалуй, я завтра же подам на него жалобу сквайру Дулитлу за то, что он испортил моих выносных. Его ружья я не боюсь. Я сам умею стрелять! Сколько раз я попадал в доллар со ста ярдов?

²⁵ – Черт побери! (франц.)

²⁶ Мистер Джонс немного путает: салический закон не разрешал женщинам наследовать королевскую корону (Примеч. автора.)

– Немного, Дик! – раздался веселый голос судьи. – Но нам пора садиться ужинать. Я вижу по лицу Добродетели, что стол уже накрыт. Мосье Лекуа, предложите руку моей дочери. Душенька, мы все последуем за тобой.

– Ah ma chère mademoiselle comme je suis enchanté! – сказал француз. – Il ne manque que les dames de faire un paradis de Templeton!²⁷

Француз с Элизабет, майор, судья и Ричард в сопровождении Добродетели отправились в столовую, и в зале остались только мистер Грант и могиканин – и еще Бенджамен, который задержался, чтобы закрыть дверь за индейцем и по всем правилам проводить мистера Гранта в столовую.

– Джон, – сказал священник, когда судья Темпл, замыкавший шествие, покинул зал, – завтра мы празднуем рождество нашего благословенного спасителя, и церковь повелевает всем своим детям возносить в этот день благодарственные молитвы и приобщиться таинству причастия. Раз ты принял христианскую веру и, отринув зло, пошел стезей добра, я жду, что и ты придешь завтра в церковь с сокрушенным сердцем и смиренным духом.

– Джон придет, – сказал индеец без всякого удивления, хотя он почти ничего не понял из речи священника.

– Хорошо, – сказал мистер Грант, ласково кладя руку на смуглое плечо старого вождя. – Но мало присутствовать там телесно; ты должен вступить туда воистину в духе своем. Спаситель умер ради всех людей – ради бедных индейцев так же, как и ради белых. На небесах не знают различия в цвете кожи, и на земле не должно быть раскола в церкви. Соблюдение церковных праздников, Джон, помогает укреплять веру и наставляет на путь истинный. Но не обряды нужны богу, ему нужно твое смирение и вера.

Индеец отступил на шаг, выпрямился во весь рост, поднял руку и согнул один палец, словно указывая на себя с неба. Затем, ударив себя в голую грудь другой рукой, он сказал:

– Пусть глаза Великого Духа посмотрят из-за облаков: грудь могиканина обнажена.

– Отлично, Джон, и я уверен, что исполнение твоего христианского долга принесет тебе душевный мир и успокоение. Великий Дух видит всех своих детей, и о жителе лесов он заботится так же, как о тех, кто обитает во дворцах. Спокойной ночи, Джон. Да будет над тобой благословение господне.

Индеец наклонил голову, и они разошлись: один вернулся в бедную хижину, а другой сел за праздничный стол, уставленный яствами.

Закрывая за индейцем дверь, Бенджамен ободряюще сказал ему:

– Преподобный Грант правду говорит, Джон. Если бы на небесах обращали внимание на цвет кожи, то, пожалуй, туда и меня не пустили бы, хоть я христианин с рождения, – и только из-за того, что я порядком загорел, плавая у экватора. Хотя, если на то пошло, этот подлый норд-вест может выбелить самого что ни на есть черного мавра. Отдай рифы на твоём одеяле, не то обморозишь свою красную шкуру.

²⁷ – Я восхищен, дорогая мадемуазель! Чтобы Темплтон стал раем, здесь не хватало только дам! (франц.)

ГЛАВА VIII

*Встречались там изгнанники всех стран
И дружбой чуждая звучала речь.*

*Томас Кэмпбелл,
«Гертруда из Вайоминга»*

Мы познакомили читателя с характером и национальностью главных действующих лиц нашего повествования, а теперь, чтобы доказать его правдивость, мы попробуем вкратце объяснить, каким образом все эти пришельцы из дальних стран собрались под гостеприимным кровом судьи Темпла.

В описываемую нами эпоху Европу сотрясали первые из тех бурь, которым затем суждено было так изменить ее политический облик. Людовик Шестнадцатый уже лишился головы, и нация, прежде почитавшаяся самой утонченной среди всех цивилизованных народов земли, преображалась с каждым днем: жестокая беспощадность сменила бывшее милосердие, коварство и ярость – бывшее великодушие и доблесть. Тысячам французов пришлось искать убежища в других странах. Мосье Лекуа, о котором мы уже не раз упоминали в предыдущих главах, также принадлежал к числу тех, кто, в страхе покинув Францию или ее заморские владения, нашел приют в Соединенных Штатах. Судье его рекомендовал глава крупного нью-йоркского торгового дома, питавший к Мармадьоку искреннюю дружбу и не раз обменивавшийся с ним услугами. Познакомившись с французом, судья убедился, что он человек воспитанный и, очевидно, знавал лучшие дни. Из некоторых намеков, оброненных мосье Лекуа, явствовало, что прежде он владел плантациями на одном из вест-индских островов – в ту пору плантаторы бежали с них в Соединенные Штаты сотнями и жили там в относительной бедности, а то и просто в нищете. Однако к мосье Лекуа судьба была милостивее: правда, он жаловался, что сохранил лишь остатки своего состояния, но этих остатков оказалось достаточно, чтобы открыть лавку.

Мармадьок обладал большим практическим опытом и хорошо знал, что требуется поселенцам в новых краях. По его совету мосье Лекуа закупил кое-какие ткани, бакалейные товары, изрядное количество пороха и табака, железные изделия, в том числе множество складных охотничьих ножей, котелков и сковородок, весьма внушительный набор грубой и неуклюжей глиняной посуды, а также многое другое, что человек изобрел для удовлетворения своих потребностей, в том числе такие предметы роскоши, как зеркала и губные гармоники.

Накупив этих товаров, мосье Лекуа стал за прилавок и благодаря удивительному умению приспособляться к обстоятельствам исполнял столь новую для себя роль со всем присущим ему изяществом. Его любезность и изысканные манеры снискали ему всеобщую любовь, а кроме того, жительницы поселка скоро обнаружили, что он обладает тонким вкусом. Ситцы в его лавке были самыми лучшими, то есть, другими словами, самыми пестрыми, какие только привозились в эти края; а торговаться с таким «милейшим человеком» было просто невозможно. Так что дела мосье Лекуа шли отлично, и жители «патента» считали его вторым человеком в округе – после судьи Темпла.

Слово «патент», которое мы здесь употребили, а возможно, будем употреблять и впредь, обозначало обширные земли, которые были когда-то пожалованы старому майору Эффингему английским королем и закреплены за ним «королевским патентом»; Мармадьок Темпл купил их после того, как они были конфискованы республиканским правительством. Слово «патент» широко употреблялось во вновь заселенных частях штата для обозначения таких владений, и к нему обычно добавлялось имя владельца, как-то: «патент Темпла» или «патент Эффингема».

Майор Гартман был потомком человека, который вместе с другими своими соотечественниками, забрав семью, покинул берега Рейна, чтобы поселиться на берегах Мохока. Переселение произошло еще в царствование королевы Анны²⁸, и потомки этих немецких колонистов мирно и в большом довольстве жили на плодородных землях красивой долины реки Мохока.

Эти немцы, или «западные голландцы», как их называли в отличие от настоящих голландских колонистов, были весьма своеобразным народом. Столь же трудолюбивые и честные, как и эти последние, они были менее флегматичны, хотя и отличались такой же серьезной важностью.

Фриц или Фредерик Гартман воплощал в себе все пороки и добродетели, все достоинства и недостатки своих земляков. Он был довольно вспыльчив, хотя и молчалив, упрям, чрезвычайно храбр, непоколебимо честен и относился подозрительно ко всем незнакомым людям, хотя его преданность друзьям была неизменна. Да он вообще никогда не менялся, и только изредка его обычная серьезность уступала место неожиданной веселости. Долгие месяцы он оставался суровым молчаливником и вдруг недели на две превращался в добродушного шутника. Познакомившись с Мармадьюком Темплом, он проникся к нему горячей симпатией, и наш судья был единственным человеком, не говорившим по-немецки, которому удалось заслужить его полное доверие и дружбу. Четыре раза в год он покидал свой низенький каменный домик на берегах Мохока и, проехав тридцать миль по горам, стучался в дверь темплтонского «дворца». Там он обычно гостил неделю и, по слухам, проводил это время в пирушках с мистром Ричардом Джонсом. Но все его любили, даже Добродетель Петтибон, которой он доставлял лишние хлопоты, – ведь он был так искренне добродушен, а порою так весел! На этот раз он приехал, чтобы отпраздновать у судьи рождество; но не пробыл он в поселке и часа, как Ричард пригласил его занять место в санях и отправиться вместе с ним встречать хозяина дома и его дочку.

Перед тем как перейти к описанию обстоятельств, приведших в эти края мистера Гранта, мы должны будем обратиться к первым дням недолгой истории Темплтона.

Нетрудно заметить, что люди всегда склонны сначала заботиться о своих телесных нуждах и лишь потом вспоминают, что надо бы позаботиться и о душе. Когда поселок только строился, жители «патента Темплтона», рубя деревья и корчуя пни, почти не вспоминали о религии. Однако большинство приехало сюда из благочестивых штатов Коннектикут и Массачусетс, и, когда хозяйство их было налажено, они стали подумывать о том, чтобы обзавестись церковью или молельней и вернуться к исполнению религиозных обрядов, которым их предки придавали столь большое значение, что из-за них даже покинули родину и отправились искать приюта в Новом Свете. Впрочем, люди, селившиеся на землях Мармадьюка, принадлежали к самым разным сектам, и вполне понятно, что между ними не было никакого согласия относительно того, какие именно обряды следует исполнять, а какие нет.

Вскоре после того, как поселок был официально разбит на кварталы, напоминавшие городские, жители его собрались, чтобы обсудить вопрос, не следует ли им открыть в поселке школу. Первым об этом заговорил Ричард (по правде говоря, он склонен был ратовать за учреждение в поселке университета или, на худой конец, колледжа). Этот вопрос обсуждался из года в год на одном собрании за другим, и их решения занимали самое видное место на голубоватых страницах маленькой газетки, которая уже печаталась каждую неделю на чердаке одного из домов поселка. Путешественники, посещавшие окрестности Темплтона, нередко видели эту газету, засунутую в щель высокого столба, вбитого там, где на большую дорогу выходила тропка, ведущая к бревенчатой хижине какого-нибудь поселенца, – такой столб служил ему почтовым ящиком. Иногда к столбу был прибит настоящий ящик, и в него человек, «развозящий почту», засовывал целый пук газет, которые должны были на неделю удовлетворить лите-

²⁸ Английская королева, царствовала с 1701 по 1714 год.

ратурные потребности всех местных фермеров. В вышеупомянутых пышных решениях кратко перечислялись блага образования, политические и географические особенности поселка Темплтон, дающие ему право основать у себя учебное заведение, целебность здешнего воздуха и чудесные качества здешней воды, а также дешевизна съестных припасов и высокая нравственность, отличающая его жителей. Под всем этим красовались выведенные заглавными буквами имена Мармадьюка Темпла, председателя, и Ричарда Джонса, секретаря.

К счастью, щедрые университетские власти не оставались глухи к таким призывам, если была хоть какая-то надежда, что расходы возьмет на себя кто-нибудь другой. В конце концов судья Темпл отвел для школьного здания участок и обещал построить его за свой счет. Снова прибегли к услугам мистера Дулитла, которого, впрочем, с тех пор как он был избран мировым судьей, называли сквайром Дулитлом; и снова мистер Джонс мог пустить в ход свои архитектурные познания.

Мы не станем перечислять достоинства и недостатки различных проектов, составленных зодчими для этого случая, что было бы и неприлично с нашей стороны, ибо проекты эти рассматривались, отвергались или одобрялись на собраниях древнего и уважаемого братства «Вольных каменщиков», возглавляемого Ричардом, носившим звание мастера. Спорный вопрос был, однако, решен довольно быстро, и в назначенный день из потайной комнаты, искусно устроенной на чердаке «Храброго драгуна» – гостиницы, которую содержал некий капитан Холлистер, – вышла торжественная процессия, направившаяся к участку, отведенному под означенное здание. Члены общества несли всевозможные знамена и мистические значки, и на каждом был надет маленький символический фартук каменщика. Когда процессия прибыла на место, Ричард, окруженный толпой зрителей, состоявшей из половины мужского и всего женского населения Темплтона и его окрестностей, с надлежащей торжественностью заложил первый камень будущей школы.

Через неделю Хайрем на глазах столь же многочисленных зрителей и прекрасных зрительниц показал, как он умеет пользоваться угольником. Фундамент соорудили благополучно, и вскоре весь каркас будущей «академии» был воздвигнут без всяких неприятных происшествий, если не считать того, что строители, возвращаясь домой по вечерам, иной раз падали с лошади. Работа кипела, и к концу лета уже было готово здание, поражавшее глаз своими необыкновенными красотами и оригинальными пропорциями, – предмет гордости поселка, подражания для тех, кто стремился к архитектурной славе, и восхищения всех жителей «патента».

Это был длинный, узкий деревянный дом, выкрашенный белой краской и состоявший по большей части из окон, – любитель солнечных восходов мог стать снаружи у его западной стены и все же почти без помехи наблюдать, как огненное светило поднимается на востоке: солнечные лучи проникали через это весьма неуютное открытое строение почти беспрепятственно. Его фасад изобиловал всевозможными деревянными украшениями, задуманными Ричардом и исполненными Хайремом. Однако главную гордость зодчих составляло окно второго этажа, которое было расположено над парадной дверью, и венчавший это сооружение «шпиль». Первое, по нашему мнению, явилось порождением смешанного ордера, ибо оно, помимо украшений, отличалось еще и удивительным разнообразием пропорций. Оно представляло собой полукруг, к которому по обеим сторонам примыкали небольшие квадраты; в тяжелые, густо покрытые резьбой рамы из соснового дерева были вставлены мутно-зеленые стеклышки размером восемь на десять дюймов. Окно это закрывалось большими ставнями, которые, по предварительному плану, для пущего эффекта должны были быть выкрашены зеленой краской; однако, как всегда бывает в подобных случаях, выделенных денег для этого не хватило, и ставни сохранили свой первоначальный угрюмый свинцовый цвет.

«Шпиль» представлял собой небольшой купол, возведенный в самом центре крыши и покоившийся на четырех высоких сосновых колоннах, каннелированных²⁹ с помощью стамески и обильно украшенных резьбой. Венчавший их свод больше всего напоминал перевернутую чайную чашку без дна, а из середины его поднималось деревянное острие, пробитое наверху двумя железными прутами, которые были расположены под прямым углом друг к другу и оканчивались железными же буквами «С, Ю, В и З». «Шпиль» завершало изображение рыбы, собственноручно вырезанное из дерева Ричардом и выкрашенное, как он выражался, в «чешуйчатый цвет». Мистер Джонс утверждал, что это существо удивительно похоже на «озерную рыбку», которая считалась в здешних краях изысканным лакомством; и, надо полагать, он говорил правду, ибо, хотя рыба, по его мысли, должна была служить флюгером, она неизменно устремляла тоскливый взор в сторону чудесного озера, лежавшего среди холмов к северу от Темплтона.

После того как университетские власти дали свое разрешение на открытие здесь «академии», попечительский совет некоторое время пользовался услугами выпускника одного из восточных колледжей, дабы он в стенах описанного выше здания преподавал науки любознательным подросткам. Второй этаж школы представлял собой один большой зал и предназначался для всяческих праздников и торжественных собраний, а первый был разделен пополам – в одной комнате должны были заниматься ученики, изучающие латынь, а в другой – ученики, изучающие родной язык. Класс латинистов был с самого начала весьма немногочисленным, но все же из окон комнаты, где он помещался, вскоре начали доноситься слова вроде: «именительный падеж – реппа, родительный падеж – реппае», к большому удовольствию и назиданию случайных прохожих.

Однако за все время существования этого храма наук нашелся лишь один смельчак, который добрался до переводов из Вергилия³⁰. Он даже выступил на ежегодном публичном экзамене и, к большому восторгу своих многочисленных родственников (у его отца была ферма рядом с поселком), прочел наизусть всю первую эклогу, весьма бойко соблюдая интонации диалога. Однако с тех пор под крышей этого здания более не раздавались звучные строки латинских поэтов (впрочем, удивительный язык, на котором изъяснялся означенный юноша, вряд ли был бы понят Вергилием или кем-нибудь из его современников). Дело в том, что попечительский совет, не желая идти впереди своего века, заменил ученого латиниста простым учителем, который, руководствуясь принципом «тише едешь – дальше будешь» и не мудрствуя лукаво, обучал своих питомцев родному языку.

С тех пор и до дней, о которых мы ведем свой рассказ, «академия» оставалась простой сельской школой, а в зале на втором этаже устраивались иногда судебные заседания, если дело представляло особый интерес, иногда – назидательные беседы для людей серьезных, а иногда – веселые балы, душою которых был все тот же неугомонный Ричард. По воскресеньям же он превращался в церковь.

Если в окрестностях в это время оказывался какой-нибудь проповедник слова божьего, его приглашали вести службу, не особенно интересуясь, к какой именно из многочисленных пресвитерианских сект он принадлежит; после окончания проповеди один из прихожан обходил церковь со шляпой в руке, и собранные пожертвования вручались проповеднику в качестве вознаграждения за его труд. В тех случаях, когда настоящего священника под рукой не оказывалось, кто-нибудь из местных жителей произносил молитву, после чего мистер Ричард Джонс прочитывал проповедь, принадлежавшую перу ученого богослова.

²⁹ Каннелированная колонна – колонна с вертикальными желобками.

³⁰ Вергилий (70–19 гг. до н. э.) – знаменитый древнеримский поэт. В своих эклогах, обычно представляющих собой диалог между пастухом и пастушкой, он воспевал прелести сельской жизни.

Как мы уже говорили, религиозные взгляды жителей поселка были самыми разнообразными и не одна секта не пользовалась там преобладающим влиянием. Мы уже упоминали о религиозных взглядах Мармадюка Темпла. Его женитьба не оказала на них никакого влияния. Семейные беседы, которые квакеры вели с богом на своих ежевечерних собраниях, внушали ему отвращение, и, хотя считалось, что он, так же как его жена и мать, принадлежит к епископальной церкви, он отнюдь не отличался большой религиозностью. В отличие от него, Ричард считал себя ревностным столпом этой церкви и даже пытался, если «академия» бывала свободна, устраивать по воскресеньям епископальные службы, но, как всегда, перегнул палку, отпугнул прихожан своими «римско-католическими» замашками, и уже на второе воскресенье в длинный зал «академии» почти никто не явился, а на третье проповедь Ричарда слушал только Бен Помпа, разделявший его взгляды.

Во времена британского владычества в североамериканских колониях большим влиянием пользовалась государственная англиканская (или епископальная) церковь, которую поддерживало правительство. Но после провозглашения независимости Соединенных Штатов эта церковь пришла в упадок, потому что ее служители могли получить сан только в Англии. В результате долгих переговоров американской епископальной церкви удалось добиться права самой назначать священника, и она поспешила послать своих служителей в глухие, вновь заселяющиеся области, чтобы возродить свое былое величие.

Одним из таких священников и был мистер Грант. Он был назначен в округ, центром которого стал Темплтон, и Мармадюк любезно пригласил его поселиться в поселке, на чем рьяно настаивал услужливый Ричард. Для священника приготовили небольшой домик, и мистер Грант приехал в Темплтон всего за несколько дней до того, как читатель познакомился с ним.

В предыдущее воскресенье школьный зал был занят заезжим проповедником, не принадлежавшим к епископальной церкви, и мистер Грант не смог приступить к исполнению своих обязанностей. Но теперь, когда его соперник унесся прочь, как метеор, лишь на мгновение озарив Темплтон светом своей премудрости, Ричард не замедлил вывесить объявление, гласившее, что «в сочельник в длинном зале Темплтонской академии состоится публичная служба по обрядам протестантской епископальной церкви; служить будет преподобный мистер Грант».

Эта новость вызвала большое оживление среди жителей поселка. Некоторые гадали, какой, собственно, будет эта служба, другие презрительно посмеивались, но большинство, несмотря на то что Мармадюк не вмешивался в религиозные споры, предпочитало, памятуя об убеждениях Ричарда, хранить на этот счет молчание.

Однако все с нетерпением ожидали воскресного вечера, и любопытство возросло еще больше, когда утром этого чреватого событиями дня Ричард и Бенджамен отправились в соседний лес и принесли оттуда две большие вязанки сосновых ветвей. Они отправились в школу, тщательно заперли за собой дверь, и никто в поселке не знал, чем, собственно, они там занимаются, так как мистер Джонс, прежде чем приступить к своим таинственным приготовлениям, объявил учителю, к большому восторгу его белокрысых питомцев, что сегодня классов не будет.

Он своевременно написал обо всем этом Мармадюку, и тот обещал, что они с Элизабет придут так, чтобы успеть к рождественской службе.

После этого отступления мы возвращаемся к нашему рассказу.

ГЛАВА IX

*С восторгом все начала пиря ждут,
Мясные блюда, дичь и рыба тут.
Порядка должного не нарушая,
К столу спешит толпа гостей большая,
Чревоугодья радость предвкушая.*
«Гелиогабалиада»

Столовая, куда мосье Лекуа повел Элизабет, находилась за той дверью, которую украшала урна, скрывавшая, как предполагалось, прах Дидоны. Эта просторная комната отличалась благородством пропорций, но стоявшая в ней мебель была так же разнообразна и порой так же неуклюжа, как и мебель зала. Стол был покрыт большой скатертью, которая мешала разглядеть, из какого материала и как он сделан; видно было только, что он велик и тяжел. Вокруг него стояло двенадцать зеленых деревянных кресел с подушками, обтянутыми той же самой шерстяной материей, из куска которой сшила себе юбку Добродетель. На стене висело огромное зеркало в золоченой раме, а в очаге весело пылали кленовые дрова. Именно они привлекли внимание судьи, и он, повернувшись к Ричарду, сердито воскликнул:

– Сколько раз я запрещал пускать на дрова сахарный клен! Мне больно смотреть, Ричард, как закипает на них сок, который мог бы принести такую пользу! Раз я хозяин столь обширных лесов, я обязан подавать добрый пример всем жителям нашего поселка; ведь они рубят деревья так, словно лесу нет конца. Если этого не прекратить, через двадцать лет мы останемся без топлива.

– Останемся без топлива в наших горах, братец Дьюк! – насмешливо воскликнул Ричард. – Да ты бы еще предсказал, что озеро обмелеет и рыба в нем вымрет, потому что я собираюсь весной, когда земля оттает, провести из него в поселок воду по двум-трем лоткам! Но ты всегда говоришь чепуху, Мармадьюк, когда рассуждаешь о подобных вещах.

– Так, значит, я, по-твоему, говорю чепуху, – с горечью сказал судья, – когда возражаю против того, чтобы лес, этот драгоценный дар природы, этот источник удобств и богатства, без толку сгорал в печах! Нет, как только сойдет снег, я пошлю людей в горы искать уголь.

– Уголь? – переспросил Ричард. – Да кто, по-твоему, будет рыться в земле, чтобы раздобыть корзину угля, если ему придется для этого выкорчевать столько деревьев, что хватило бы топлива на целый год? Чушь, чушь! Нет, Мармадьюк, предоставь уж мне заниматься подобными вещами – у меня к ним природный талант. Это я распорядился развести такой огонь в камине, чтобы моя хорошенькая кухня Бесс скорее согрелась.

– Ну, пусть эта причина послужит тебе оправданием, Дик, – сказал судья, – Однако, господа, пора садиться за стол. Элизабет, душенька, займи место хозяйки; а Ричард, как я вижу, уже уселся напротив тебя, чтобы я не затруднялся резать жаркое³¹.

– Само собой разумеется, – отозвался Ричард. – Сегодня у нас индейка, а никто лучше меня не сумеет разрезать индейку, да и гуся, если уж на то пошло. Мистер Грант! Где же мистер Грант? Вам надо благословить трапезу, сэр! Все стынет! Ведь в такую погоду стоит снять блюдо с огня, как оно через пять минут превратится в ледышку. Мистер Грант, мы ждем, чтобы вы благословили трапезу! «Благословен господь, ниспосылающий нам хлеб наш насущный!» Садитесь же, садитесь! Тебе крылышко или грудку, кухня Бесс?

³¹ Во многих странах существует обычай, когда хозяин дома сидит напротив хозяйки и разрезает поданное на стол мясо, дичь.

Однако Элизабет не села и не изъявила никакого желания незамедлительно получить крылышко или грудку. Смеющимися глазами она оглядывала стол и дымившиеся на нем кушанья. Судья заметил ее веселое удивление и сказал с улыбкой:

– Ты видишь, дитя мое, что Добродетель поистине искусна в домоводстве: она приготовила для нас великолепный пир, который может утолить даже голод великана.

– Ах, – сказала Добродетель, – мне ли не радоваться, если судья доволен! Боюсь только, что подливка перестоялась. Раз Элизабет возвращается домой, так нам уж нужно постараться, подумала я.

– Моя дочь больше не девочка и с этой минуты становится хозяйкой этого дома, – сказал судья. – Тем, кто в нем живет, следует называть ее мисс Темпл.

– Ах ты господи! – воскликнула Добродетель, немного растерявшись. – Да где же это слыхано, чтобы молоденьких девушек так величали? Ну, будь у судьи жена, я бы, конечно, не посмела называть ее иначе, как мисс Темпл, но...

– ...но и к моей дочери, – перебил ее Мармадюк, – потрудитесь в дальнейшем обращаться как к мисс Темпл.

Судья всерьез рассердился, и на лице его появилась необычная строгость, поэтому хитрая экономка сочла за благо промолчать. Тут в столовую вошел мистер Грант, и все общество уселось за стол. Мы расскажем об этом ужине подробнее, потому что он был сервирован по моде той эпохи и гостям подавались обычные тогда кушанья.

Скатерть и салфетки были из прекрасного Дамаска, а тарелки и блюда – фарфоровые, что в те времена считалось в Америке большой роскошью. Ручки отлично отполированных стальных ножей и вилок были сделаны из слоновой кости. Таким образом, столовые приборы были не только удобны, но и элегантны – в этом сказывалось богатство Мармадюка. Однако яства изготовлялись по указанию Добродетели, и она же решала, в каком порядке разместить их на столе. Перед Элизабет была поставлена огромная жареная индейка, а перед Ричардом – вареная. На середине стола возвышались два тяжелых серебряных судка, окруженных четырьмя блюдами: на одном из них лежало фрикасе из белок, на втором – жареная рыба, на третьем – рыба вареная, а на четвертом – оленьи филе. Между этими блюдами и индейками с одной стороны располагался огромный фарфоровый поднос с жареным медвежьим мясом, а с другой – вареная баранья нога, удивительно сочная. Вокруг этих мясных кушаний были расставлены тарелки поменьше со всеми овощами и зеленью, какие только можно было здесь раздобыть в это время года. По четырем углам стола красовались корзинки с печеньем. В одной находились хитрые завитушки, кружочки и полумесяцы, именовавшиеся «ореховым печеньем». Другую заполняли груды каких-то странных черных кусков, которые были обязаны своим цветом патоке и заслуженно звались «сладким печеньем»; это лакомство пользовалось особым расположением Добродетели и ее штата. В третьей корзинке лежали, как выражалась экономка, «имбирные квадратики», а в четвертой – «сливовое печенье», получившее свое название благодаря большому количеству чернослива, торчавшего из твердой массы, подозрительно схожей с ним по цвету. Рядом с этими корзинками стояли соусники, наполненные густой жидкостью непонятного цвета и происхождения, в которой плавали маленькие темные комочки, ничего, кроме самих себя, не напоминавшие; Добродетель называла их «засахаренными фруктами».

Тарелки гостей были перевернуты, и нож с вилок положены на доньшко аккуратным крестом; рядом с каждым прибором находилась тарелочка поменьше с разноцветным пирогом, составленным из треугольных кусков яблочного, мясного, тыквенного, клюквенного и даже кремowego пирога. Все оставшееся место занимали графины с коньяком, ромом, джином и виноградными винами, а также внушительные кувшины с сидром и пивом. В самом большом из них пенился флип – горячий напиток, изготовленный из пива, яичного желтка и кое-каких специй. Несмотря на размеры стола, он был так густо уставлен всеми этими блюдами, тарелками, бутылками и блюдами, что дорогая скатерть из Дамаска совсем исчезла под ними.

Накрывавшие на стол, видимо, думали лишь об изобилии, принося ему в жертву не только элегантность, но даже порядок.

И судья и его гости, казалось, привыкли к такого рода блюдам, потому что все до одного принялись за еду с аппетитом, который делал честь вкусу и кулинарным способностям Добродетели. Немец и Ричард не отставали от других. Это могло бы показаться странным, если вспомнить, что они отправились встречать судью, едва встав из-за стола, но не в правилах майора Гартмана было отказываться от дружеского угощения, а мистер Джонс любил первенствовать в любом деле, каким бы оно ни было. Хозяин дома, видимо, испытывал некоторую неловкость, вспоминая раздражение, с каким он упрекнул Ричарда за кленовые дрова в камине, и, когда все уселись и вооружились вилками и ножами, он сказал:

– Вы, наверное, заметили, мосье Лекуа, как варварски сводят поселенцы благородные леса, украшающие этот край. Я не раз видел, как фермер валит целую сосну, когда ему нужно было починить забор, и, обрубив несколько сучьев на жерди, бросал ее гнить, хотя мог бы продать ее в Филадельфии за двадцать долларов.

– А как, черт побед... прошу прощения, мистер Грант! – вмешался Ричард. – А как бедняга доставит свои бревна в Филадельфию, скажи на милость? Сунет их в карман, словно горсть каштанов или ягод? Посмотрел бы я, как ты разгуливаешь по улицам Филадельфии с бревном в каждом кармане. Все это чушь, братец Дьюк! Деревьев хватит на всех нас и еще немало про запас останется. Да когда я хожу по вырубкам, то просто не знаю, с какой стороны ветер дует, – такой там высокий и густой лес. Только по облакам и разбираюсь. А ведь я знаю все румбы компаса наизусть!

– Так, так, сквайр, – подтвердил Бенджамен, который к этому времени уже вошел и занял свое место за креслом судьи, однако немного сбоку, чтобы вмешиваться в разговор, когда ему заблагорассудится. – Глядите на небо, сэр, глядите на небо! Старые моряки говорят, что даже из дьявола матроса не выйдет, пока он не научится глядеть на небо. А без компаса кораблем управлять и вовсе невозможно. Вот я, к примеру, как пойду в лес да потеряю из виду клотик грот-мачты – я так называю наблюдательную площадку, которую сквайр устроил у нас на крыше, – так вот, как потеряю я из виду клотик грот-мачты, так сразу достаю компас и определяю направление и расстояние, чтобы идти по курсу, даже если солнце спрячется за тучи или его заслонят верхушки деревьев. И колокольная церковь святого Павла, с тех пор как ее докончили, дюже помогает навигации в лесах, не то вот был со мной случай, клянусь сатаной...

– Довольно, довольно, Бенджамен, – перебил его Мармадьюк, заметив, что Элизабет неприятна развязность дворецкого. – Ты забываешь, что здесь дама, а женщины больше любят говорить, чем слушать.

– Что правда, то правда, судья, – подхватил Бенджамен, заливаясь своим хриплым смехом. – Вот, скажем, миссис Добродетель Выйдивон: только спустите ее язык со стопора, и пойдет такое «бла-бла-бла», какого не услышишь, даже проходя мимо французского корсара с подветренной стороны или если засунешь десяток обезьян в один мешок.

Вероятно, оскорбленная эконожка не замедлила бы убедительным примером доказать справедливость этого утверждения, но строгий взгляд судьи остановил ее, и, не в силах сдерживать ярость и в то же время боясь навлечь на себя неудовольствие хозяина, она бросилась вон из комнаты и при этом так вздернула голову, что чуть не оторвала ее вовсе.

– Ричард, – сказал Мармадьюк, предотвратив таким образом шумную ссору, – может быть, ты знаешь что-нибудь о юноше, которого я имел несчастье ранить? Мы встретили его на горе; он охотился с Кожаным Чулком и вел себя с ним так, словно они близкая родня. Однако между ними как будто мало общего. Молодой человек выражается с изысканностью, редкой для наших краев, и я не понимаю, где такой бедняк, добывающий себе пропитание охотой, мог этому научиться. Могиканин тоже его знает. По-видимому, он живет в хижине Натти. А вы обратили внимание на изысканность речи этого юноши, мосье Лекуа?

– Certainement³², мосье Темпл, он выражается на превосходном языке.

– В этом нет ничего необыкновенного, – вмешался Ричард. – Дети фермеров, когда их рано посылают в школу, начинают говорить куда грамотнее его еще прежде, чем им исполнится двенадцать лет. Вот, скажем, Зейред Коу, сын старика Неемии, который первым поселился на Бобровой лужайке; так у него к четырнадцати годам почерк был только чуть хуже моего, хотя, правда, я сам с ним иногда занимался по вечерам. Но этого нашего господина с ружьем следует посадить в колодки, если он еще раз посмеет коснуться вожжей. В жизни не видел человека, который так мало понимал бы в лошадях! Да он, наверное, только волами управлял!

– Мне кажется, тут ты к нему несправедлив, Дик, – заметил судья. – Он очень находчив в решающую минуту. А ты что скажешь, Бесс?

Казалось бы, в этом вопросе не было ничего, что могло бы вызвать краску на лице девушки, однако Элизабет, очнувшись от задумчивости, вся вспыхнула.

– Мне, милый батюшка, он показался удивительно ловким, находчивым и храбрым, – ответила она, – но, возможно, кузен Ричард скажет, что я столь же невежественна, как и сам этот джентльмен.

– «Джентльмен»? – повторил Ричард. – Это тебя в пансионе, Элизабет, научили называть таких мужланов джентльменами?

– Каждый человек джентльмен, если он относится к женщине с уважением и вниманием, – быстро и несколько насмешливо ответила девушка.

– Вот ему и награда за то, что он постеснялся снять рубашку перед хозяйкой дома! – воскликнул Ричард, подмигивая мосье Лекуа, который подмигнул ему в ответ одним глазом, устремив другой на молодую девушку с выражением почтительного сочувствия. – Ну, а мне он джентльменом совсем не показался. Но стрелять он умеет, что правда, то правда. И метко бьет оленей на бегу, а, Мармадюк?

– Рихарт, – с большой серьезностью сказал майор Гартман, поворачиваясь к нему, – это хороший малшик. Он спас твою шизнь, и мою шизнь, и шизнь препотопного мистера Гранта, и шизнь француза. Рихарт, пока у старого Фрица Гартмана есть крыша над колофой, этот юноша не путет нуждаться в постели.

– Как тебе угодно, старина, – ответил мистер Джонс, стараясь сохранить равнодушный вид. – Пусть он живет в твоём каменном доме, если хочешь. Но помани мое слово, этот малый в жизни не спал в приличной постели и не знает другого жилья, кроме шалашей, крытых корьем, или в лучшем случае лачуг, вроде хижины Кожаного Чулка. Ты его скоро совсем избалуешь; или ты не заметил, как он зазнался только потому, что постоял рядом с моими серыми, когда я повернул их на дорогу?

– Нет, нет, мой старый друг, – сказал судья, – это я должен позаботиться о молодом человеке. Я не только обязан ему спасением моих друзей, но и должен искупить свою вину перед ним. Однако я опасаюсь, что мне нелегко будет заставить его принять мои услуги. Не правда ли, Бесс, на его лице выразилось явное неудовольствие, когда я пригласил его навсегда поселиться у нас?

– Право, батюшка, – ответила Элизабет, выпятив нижнюю губку, – я не вглядывалась в его лицо и не могу судить, каково было его выражение. Я полагала, что рана причиняет ему страдания, и мне было жаль беднягу, вот и все. Впрочем, – при этом она с плохо скрытым любопытством поглядела на дворецкого, – Бенджамен, наверное, может вам что-нибудь про него рассказать. Если он приходил в поселок, Бенджамен, конечно, не раз его видел.

– Так оно и есть, – ответил дворецкий, который только ждал удобного случая, чтобы вмешаться в разговор. – Он крейсировал в кильватере Натти Бампо, гоняясь в лесу за оленем. И стрелок он точно хороший. В прошлый вторник я сам слышал, как Кожаный Чулок говорил

³² Конечно (франц.).

перед стойкой Бетси Холлистер, что парень бьет без промаха. А коли так, то пусть-ка он убьет пуму, которая все воет на озере с тех пор, как олени из-за морозов и снега сбились в стада. Это было бы дело. С пумой на борту далеко не уплывешь, и нечего ей крейсировать вокруг честных людей.

– Так он и правда живет в хижине Натти Бампо? – с интересом спросил Мармадюк.

– Да, он там пришвартовался. В среду сровняется три недели, как Кожаный Чулок впервые привел его на буксире в поселок. Они вдвоем взяли на abordаж волка и принесли его скальп, чтобы получить награду. Этот самый мистер Бампо чистенько снимает скальпы с волков, и в поселке поговаривают, что он набил себе руку на крещеных людях. Будь это правдой да командуй я здешним портом, вроде вашей милости, так я бы вздернул его на мачте. Рядом с колодками есть очень удобный столб, ну, а петлю я бы своими руками сделал, да и сам бы затянул ее потуже, коли бы другого никого не нашлось.

– Напрасно ты веришь глупым слухам, которые тут распускают про Натти. Он столько лет охотился в наших горах, что имеет право делать это и впредь. А если какие-нибудь бездельники в поселке вздумают учинить над ним расправу, он найдет надежную защиту у закона.

– Рушье надешнее закона, – наставительно сказал майор.

– Боюсь я его ружья, как же! – воскликнул Ричард, презрительно щелкнув пальцами. – Бен прав, и я... – Тут он умолк, услышав звон корабельного колокола, который, несмотря на свое плебейское происхождение, имел честь висеть под «шпилем» «академии» и бойким дребезжанием возвещал теперь о том, что настал час церковной службы. – «Благодарим тебя, господи, и за эту и за все твои милости...» Ах, извините, мистер Грант, это вам надлежит прочесть благодарственную молитву. И надо торопиться, а то ведь в здешних местах епископальную церковь почитаем только мы с Бенджаменом да еще Элизабет. Полуквакеров вроде Мармадюка я не считаю, – на мой взгляд, они хуже иного еретика.

Священник покорно встал и с благочестивым видом прочел молитву, после чего все общество поспешило в церковь – или, точнее говоря, в «академию».

ГЛАВА X

*Сзывая грешников к молитве,
Лился густой, протяжный звон.
Вальтер Скотт, «Дикий охотник»*

Ричард и мосье Лекуа в сопровождении Бенджамена направились к «академии» напрямик по узкой, протоптанной в сугробах тропинке, а судья, его дочь, священник и майор предпочли кружной путь в санях по улицам поселка.

В небе плыла полная луна, и в ее серебристом сиянии сосновый лес на восточном склоне долины казался черной зубчатой стеной. Небо было ясным и прозрачным, каким в иных странах оно не бывает и в полдень. Звезды, усеявшие небосвод, мерцали, словно угли далекого гаснущего костра, не в силах соперничать с блеском ночного светила, чьи лучи словно обретали новую яркость, отражаясь от чистейшей белизны снегов, ровной пеленой укрывших замерзшее озеро и все окрестные поля.

Пока сани неторопливо скользили по главной улице поселка, Элизабет развлекалась тем, что читала вывески, украшавшие чуть ли не каждое крыльцо. Когда она уезжала, никто в поселке еще не занимался ремеслами, о которых оповещали эти вывески, да и многие фамилии были ей незнакомы. Самые дома, казалось, стали другими. Вон к тому добавили флигель, этот выкрасили в новый цвет, а вот тут на месте прежнего знакомя, который снесли, едва успев достроить, высилось совсем новое здание. И из всех этих домов торопливо выходили люди, направляясь к «академии», чтобы полюбоваться плодами совместных усилий Ричарда и Бенджамена.

Наглядевшись на дома, казавшиеся гораздо красивее обычного в ярком, но мягком свете луны, наша героиня в надежде заметить какого-нибудь знакомого обратила взор на пешеходов, которых они обгоняли. Но все они выглядели похожими друг на друга благодаря тяжелым шубам, длинным плащам, капорам и капюшонам, а кроме того, их заслоняли высокие сугробы, окаймлявшие узкие тропинки, проложенные вдоль домов. Раза два ей почудилось, что она узнает чью-то фигуру или походку, но этот человек тут же исчезал позади какой-нибудь из огромных поленниц, о которых мы уже упоминали выше. И только когда сани свернули с главной улицы в пересекавший ее под прямым углом проулок, который вел к «академии», Элизабет наконец увидела знакомое лицо и знакомый дом.

Дом этот стоял на углу самого оживленного перекрестка в поселке, к нему вела хорошо утоптанная дорожка, на столбе перед ним висела вывеска, жалобно скрипевшая, когда с озера налетал ветер, и нетрудно было догадаться, что здесь помещается гостиница с трактиром, который местные жители предпочитали всем остальным. Дом был одноэтажным, но большие слуховые окна, свежая краска, аккуратные ставни и огонь, весело пылавший в очаге, видневшемся за открытой дверью, придавали ему куда более уютный и солидный вид, чем у многих его соседей. Вывеска изображала всадника, вооруженного саблей и пистолетами; на его голове красовалась меховая шапка, а своего горячего скакуна он вздернул на дыбы. Все эти подробности нетрудно было рассмотреть в ярком лунном свете, и Элизабет сумела даже прочитать сделанную черной краской надпись, правда давно ей знакомую: «Храбрый драгун».

В ту минуту, когда сани поравнялись с дверью трактира, из нее вышли мужчина и женщина. Первый держался очень прямо, и походка выдавала в нем старого вояку; к тому же он сильно хромал, что усугубляло это впечатление. Его спутница, наоборот, шагала широко и быстро, словно совсем не заботясь о том, куда ступит ее нога. Луна озаряла ее толстую, красную, мужеподобную физиономию, чертам которой даже пышные оборки чепца не могли придать надлежащую женственность. Поверх чепца красовался черный шелковый капор, претен-

довавший на модный фасон. Он был сдвинут на затылок и нисколько не мешал своей хозяйке смотреть по сторонам. При взгляде на это лицо, освещенное встающей с востока луной, начало казаться, что вы видите солнце, поднимающееся на западе. Дама эта решительной мужской походкой шла наперерез саням, и судья приказал тезде греческого царя придержать лошадей.

– С приездом вас, судья, добро пожаловать в поселок! – воскликнула женщина, и ее произношение сразу выдало в ней ирландку. – Все мы здесь рады вас видеть, а я больше всех. А мисс Лиззи-то как выросла! Совсем уже барышней стала! Эх, прислали бы к нам в поселок на постой полк, то-то бы по ней все офицеры сохли!.. Ай, да что же я это такое, бессовестная, говорю, когда колокол призывает нас к молитве! Вот так и господь нас к себе призовет, когда мы этого совсем ждать не будем... Добрый вечер, майор. Сварить вам сегодня горячего пуншика? Да вы небось у судьи будете праздновать сочельник, раз вы совсем недавно приехали.

– Здравствуйте, миссис Холлистер! – радостно отозвалась Элизабет. – Я всю дорогу высматривала знакомых, и вы первая, кто нам встретился. Ваш дом тоже остался совсем таким же, как прежде, а все остальные настолько переменились, что я их словно впервые вижу и догадываюсь, кто в них живет, только по их местоположению. И даже милая вывеска целая! Я ведь видела, как кузен Ричард писал ее. Вон и название вижу внизу, из-за которого вы тогда ссорились.

– Это вы про «Храброго драгуна» говорите? А как же его по-другому величать, коли такое у него было прозвище? Спросите хоть у моего мужа, капитана! Не видала я лучшего покупателя, да и из беды он всегда готов был выручить. А смерть за ним пришла без всякого предупреждения! Авось его грехи ему простились, потому как дело его было правое. Вот и его преподобие мистер Грант небось то же скажет. Ну, и когда сквайру Джонсу загорелось написать нам вывеску, я и подумала: пусть-ка он нам его лицо там нарисует, в память того, как он делил с нами радости и горе. Глаза, правда, не так чтоб очень уж большие вышли и не такие огненные, как у живого были, зато усы и шапка точь-в-точь настоящие... Да что же это я держу вас тут на холоде? Лучше уж завтра утром забегу к вам и поздороваюсь как следует. А теперь надо нам вспомнить, какой нынче день, и пойти в дом божий, чьи двери открыты для всех. Да благословит вас бог и да охранит он вас от зла!.. Так как же, сварить для вас нынче пуншику или нет?

На этот вопрос немец с важностью ответил утвердительно, и, после того как судья обменялся несколькими словами с супругом огненнолицей трактирщицы, сани снова тронулись в путь. Вскоре они остановились у дверей «академии», и все общество поспешило в длинный зал.

Мистер Джонс и два его спутника, которые предпочли кратчайшую дорогу, добрались туда за несколько минут до прибытия остальных. Но Ричард не торопился войти внутрь, чтобы насладиться восторженным изумлением жителей поселка; вместо этого он заложил руки в карманы шубы и стал прогуливаться перед входом в «академию» с видом человека, которому церковная служба не в новинку.

Люди проходили мимо него в здание, сохраняя серьезность, как и подобает тем, кто идет молиться, но в походке их была заметна торопливость, порожденная любопытством. Окрестные фермеры сперва старательно закутывали своих лошадей в синие и белые попоны и лишь потом отправлялись посмотреть убранство зала, о котором уже успели столько наслышаться. Ричард подходил к ним и осведомлялся о здоровье их семейств. Он очень хорошо знал их всех и, не ошибаясь, называл по имени каждого ребенка, а их ответы показывали, что он пользуется в этих местах всеобщей любовью.

Наконец один из жителей поселка остановился неподалеку от Ричарда и устремил пристальный взгляд на новое кирпичное здание, которое купалось в лунном свете, отбрасывая поперек снежного поля длинную черную тень. «Академия» выходила на пустырь, где предполагалось в дальнейшем устроить городскую площадь, и по ту его сторону поднималась новая, еще

не законченная церковь святого Павла. Сооружение ее началось прошлым летом, и средства для ее постройки были собраны, как говорилось, по подписке, хотя на самом деле почти все деньги дал судья Темпл. Дело это было затеяно потому, что длинный зал «академии», по мнению большинства, мало подходил для богослужения, а кроме того, освящение новой церкви должно было наконец решительным образом показать, какая же разновидность протестантской религии берет в поселке верх. Все это вызывало большой интерес и волнение среди сектантов, хотя вслух почти не обсуждалось. Если бы судья Темпл открыто высказался в пользу того или иного вероисповедания, сомнения немедленно рассеялись бы, ибо никто не посмел бы с ним спорить, но он не захотел вмешиваться и наотрез отказался поддержать Ричарда, который уже успел тайно заверить главу местной епархии³³, что и новый храм и его прихожане с охотой войдут в лоно протестантской епископальной церкви. Но едва судья умыл руки, как мистеру Джонсу пришлось убедиться, что эти прихожане – весьма упрямые люди. Он начал с того, что попробовал уговорить их, учеными рассуждениями склонив к признанию его правоты. Его терпеливо слушали, ему не возражали, и, обойдя поселок, он решил, что добился своей цели. Считая, что железо надо ковать, пока оно горячо, Ричард поспешил объявить через газеты, что жителям поселка следует немедленно собраться и решить этот вопрос голосованием. На это собрание в «Храбром драгуне» не явилась, однако, ни одна живая душа, кроме него самого, и он провел пренеприятнейший вечер, тщетно пытаясь переспорить миссис Холлистер, которая утверждала, что наибольшее право на новую церковь имеют методисты (ее собственная секта). После этого Ричард сообразил, что радость его была преждевременна и что в открытую такого хитрого и осторожного противника ему не одолеть. Тогда он тоже надел личину, что ему, впрочем, не слишком удалось, и принялся добиваться своего исподволь.

Постройка была единодушно поручена мистеру Джонсу и Хайрему Дулитлу. Не они ли вместе воздвигали «дворец», «академию» и тюрьму? Кому, кроме них, была бы по плечу подобная задача? С самого начала они разделили свои обязанности. Мистер Джонс должен был представить проект церкви, а мистер Дулитл – надзирать за строительством.

Ричард про себя решил воспользоваться таким преимуществом и во что бы то ни стало снабдить окна романскими арками. Это был бы значительный успех³⁴. Церковь строилась из кирпича, и поэтому он смог скрывать свои коварные намерения до последней минуты, пока не настало время изготовлять рамы. Тут уж пришлось действовать напрямик. Он сообщил Хайрему о своем желании с большой осторожностью и, умалчивая о подлинной сути своего замысла, только горячо расхваливал красоту подобных окон. Хайрем терпеливо выслушал его и ничего не возразил, но Ричард так и не понял, какого, собственно, мнения придерживается его помощник в этом важнейшем вопросе.

Планировка здания была официально поручена Ричарду, и поэтому Хайрем спорить не стал, но сразу же начали возникать всякие неожиданные затруднения. Сперва оказалось, что для рам нет подходящего материала, но Ричард мгновенно нашел выход, одним взмахом карандаша уменьшив их длину на два фута. Тут Хайрем вздохнул, что они обойдутся очень дорого. Однако Ричард напомнил ему, что расходы оплачивает Мармадьок Темпл, его двоюродный брат, а он, Ричард, исполняет при нем обязанности казначея. Этот намек возымел желаемое действие, и после безмолвного, длительного, но тщетного сопротивления окна были сооружены по первоначальному плану.

Вскоре начались неприятности с колокольной, которую Ричард скопировал с одного из малых шпилей, украшающих лондонский собор святого Павла. Правда, копия получилась не очень удачной, так как пропорции были соблюдены весьма приблизительно. В конце концов, однако, все трудности были преодолены, и мистер Джонс уже мог любоваться башней, которая

³³ Е п а р х и я – церковная область, во главе которой стоит епископ.

³⁴ Методисты и другие сектанты считали, что «дом божий» не должен иметь никаких украшений.

по форме больше всего напоминала судок из-под уксуса. Впрочем, на этот раз Ричарду было легче преодолеть сопротивление, так как в поселке любили новинки, а такой колокольный свет, несомненно, еще не видывал.

Затем строительные работы прервала зима, и наиболее щекотливый вопрос – о внутреннем убранстве – остался пока нерешенным. Ричард отлично понимал, что, едва дело дойдет до аналога и алтаря, ему придется сбросить маску, ибо ни одна церковь в Соединенных Штатах, кроме епископальной, их не признавала. Однако, ободренный своими прежними удачами, Ричард смело наделил свое детище названием «Церковь святого Павла», и Хайрем скрепя сердце согласился на него, но с добавлением, и храм стал именоваться «Новая церковь святого Павла», словно его назвали так в честь лондонского собора, а не в честь святого, что слишком уж оскорбило бы религиозные чувства мистера Дулитла.

Человек, который, как мы уже указали выше, остановился, чтобы посмотреть на эту постройку, и был тот самый Хайрем Дулитл, чье имя уже столько раз упоминалось.

Он был высок и тощ, с резкими чертами лица, благообразие которого сильно портила сквозившая в них хитрость. Ричард в сопровождении мосье Лекуа и дворецкого приблизился к своему помощнику.

– Добрый вечер, сквайр, – сказал Ричард, кивнув, но не вынимая рук из карманов.

– Добрый вечер, сквайр, – в тон ему ответил Хайрем, поворачиваясь к нему всем туловищем.

– Холодный сегодня вечер, мистер Дулитл, холодный сегодня вечер, сэр.

– Да, подморозило. И оттепели как будто не предвидится.

– Решили посмотреть на нашу церковь, а? Хороша она при лунном свете, ничего не скажешь. Посмотрите, как блестит купол. Их святой Павел небось никогда так не сверкает в лондонском дыму!

– Да, дом для молитвенных собраний получился ничего себе, – не сдавался Хайрем. – Я думаю, мусью Лекуа и мистер Пенгиллен то же скажут.

– О да! – согласился любезный француз. – Это очень красиво.

– Другого я от мусью и не ждал... В прошлый раз паточка у вас была на редкость удачна. Остался у вас еще запасец?

– Ah! Oui, да, сударь, – ответил мосье Лекуа, слегка пожимая плечами и морща нос. – Запасец остался. Я весь в восторге, что вы ее любите. Мадам Дулитл есть в добром здравии, я надеюсь?

– Ничего, ползает себе, – отозвался Хайрем. – Как, сквайр, уже готовы у вас планы внутреннего убранства нашей молельни?

– Нет... нет... нет! – выпалил Ричард, для вящей убедительности делая между отрицаниями небольшие паузы. – Тут торопиться нельзя, надо все хорошенько обдумать. Места там много, и, боюсь, мы не сумеем использовать его с полной выгодой. Вокруг кафедры образуется пустота: я ведь не собираюсь ставить ее к стене, словно будку часового у ворот форта.

– По обычаю, положено ставить подле кафедры скамью диаконов, – возразил Хайрем, а затем, словно спохватившись, что зашел слишком далеко, добавил: – Но в разных странах делают по-разному.

– Верно сказано! – вмешался Бенджамен. – Вот когда плывешь у берегов Испании или, скажем, Португалии, на каждом мысу, глядишь, торчит монастырь, и рангоута на нем понатыкано видимо-невидимо: всякие там колокольни да флюгерки – даже на трехмачтовой шхуне столько его не наберется. Что там ни говори, а за образцом для стоящей церкви надо плыть в старую Англию. Вот собор святого Павла, хоть я его никогда не видел, потому как от Рэдклиффской дороги³⁵ до него больно далеко, а все равно каждый знает, что красивей его в мире

³⁵ Улица в портовом районе Лондона.

нету. А я вам одно скажу: эта наша церковь похожа на него, как морж на кита, ну, а между ними только и разницы, что один побольше, а другой поменьше. Вот мусью Леква ездил по всяким чужим странам, и хоть где им до Англии, но он небось и во Франции всяких церквей насмотрелся, так что должен в них понимать. Ну-ка, скажите, мусью, напрямик, хороша наша церквушка или нет?

– Она есть весьма кстати для этого места, – ответил француз. – Такое тут и надо. Но одна только католическая страна умеет строить... как это вы говорите... *la grande cathédrale*, большой собор. Этот святой Павел в городе Лондоне очень прекрасен, очень *belle*, очень, как вы говорите, большой. Но, мосье Бен, *pardonnez moi*³⁶, он не стоит Нотр-Дам!³⁷

– Каких таких еще дам, мусью! – вскричал Бенджамен. – Да кто же это собор с бабами сравнивает! Эдак вы еще скажете, что наш фрегат «Королевский Билли» хуже вашего «Билли Депари»³⁸, а он таких хоть два побьет в любую погоду! – И Бенджамен принялся размахивать кулачищами – каждый из них был величиной чуть ли не с голову француза.

Но тут поспешил вмешаться Ричард.

– Не горячись, Бенджамен! – сказал он. – Ты не понял мосье Лекуа, а кроме того, ты забываешься... А, вот и мистер Грант! Значит, служба сейчас начнется. Войдемте же!

Француз слушал ответ Бенджамена с улыбкой воспитанного человека, который может только пожалеть невежду; теперь же он наклонил голову в знак согласия и последовал за мисте-ром Джонсом.

Хайрем и дворецкий шли вслед за ними, и последний бормотал себе под нос:

– Туда же, нос задирают, лягушатники! А ведь даже у ихнего короля нет дворца, который шел бы в сравнение с собором святого Павла. Да кто же это стерпит, чтобы французишка так поносил английскую церковь! Я своими глазами видел, сквайр Дулитл, как мы потопили два ихних фрегата, да еще с новыми пушками! А ведь будь такие пушки у англичан, они бы побили хоть самого черта!

С этим богохульственным словом на устах Бенджамен вступил в церковь.

³⁶ Извините меня (*франц.*).

³⁷ Собор Парижской богородицы.

³⁸ Искаженное французское «Виль де Пари» – «Город Париж».

ГЛАВА XI

*Глушцы, пришедшие, чтоб насмехаться,
Остались, чтоб молитву вознести.*
Голдсмит,
«Покинутая деревня»

Несмотря на все соединенные усилия Ричарда и Бенджамена, длинный зал представлял собой удивительно убогий храм. Вдоль него тянулись ряды грубо сколоченных, неуклюжих скамей для прихожан, а священника вместо кафедры ожидал неказистый помост, приткнутый у середины стены. Перед этим возвышением было установлено что-то вроде аналая, сбоку от которого виднелся покрытый белоснежной скатертью столик красного дерева, принесенный из дома судьи. Он заменял алтарь. В щели, которыми зияли косяки, притолоки и мебель, наспех сооруженные из плохо высушенного дерева, были воткнуты сосновые ветки, а бурые, скверно оштукатуренные стены были в изобилии украшены гирляндами и фестонами. Зал смутно освещался дюжиной скверных свечей, ставней на окнах не было, и, если бы не яркий огонь, трещащий в двух очагах, расположенных в его дальних концах, более унылое место для празднования сочельника трудно было бы придумать. Но веселые отблески огня плясали на потолке, скользили по лицам прихожан, и от этого становилось как-то уютнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.